

„Правиль отчетности по изданію Богословскаго Вѣстника“, на рукахъ.

II. Резолюцію Его Высокопреосвященства, послѣдовавшую на журналѣ собранія Совѣта 18 марта текущаго года: „1903 г. Апр. 5. Утверждается“.

Справка: Въ ст. XVI означеннаго журнала представлено было на Архипастырское утвержденіе Его Высокопреосвященства опредѣленіе Совѣта Академіи о назначеніи: ординарному профессору Николаю Заозерскому и экстраординарному профессору Алексѣю Введенскому—половинныхъ премій (по 242 р. 50 к.) Митрополита Московскаго Макарія за лучшіе печатные труды наставниковъ Академіи, и экстраординарному профессору Михаилу Тарѣеву—преміи Митрополита Макарія (въ 291 р.) за лучшія магистерскія сочиненія воспитанниковъ Академіи.

Опредѣлили: Резолюцію Его Высокопреосвященства сообщить (и сообщена) Правленію Академіи для зависящихъ распоряженій.

III. Сданное Его Высокопреосвященствомъ съ надписью: „1903 г. Марта 31. Въ Совѣтъ Московской Духовной Академіи“ — отношеніе на имя Его Высокопреосвященства Г. Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода отъ 27 марта за № 3027:

„Вслѣдствіе отношенія отъ 29 января сего года за № 60, имѣю честь увѣдомить Ваше Высокопреосвященство, что Высочайшимъ приказомъ по гражданскому вѣдомству отъ 14 текущаго марта за № 21 экстраординарные профессеры Московской духовной академіи, Коллежскіе Совѣтники, Василій Мышцынъ и Иванъ Поповъ произведены, за выслугу лѣтъ, въ Статскіе Совѣтники со старшинствомъ: первый—съ 23 октября и послѣдній—съ 7 августа 1902 года“.

Опредѣлили: О производствѣ, за выслугу лѣтъ, экстраординарныхъ профессоровъ Академіи Василія Мышцына и Ивана Попова въ чинъ Статскаго Совѣтника внести въ формулярные о службѣ ихъ списки.

IV. Отношенія Канцеляріи Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода:

а) отъ 28 марта за № 3064: „По утвержденному Г. Синодальнымъ Оберъ-Прокуроромъ, 19 марта 1903 г., докладу Учебнаго Комитета при Святѣйшемъ Синодѣ кандидатъ Московской ду-

ховной академіи Иванъ *Троицкій* освобожденъ отъ даннаго ему 30 января 1903 г. назначенія въ Тульское духовное училище“.

б) отъ 21 марта за № 2815: „По утвержденному Г. Синодальнымъ Оберъ-Прокуроромъ, 12 марта 1903 г., докладу Учебнаго Комитета при Святѣйшемъ Синодѣ дѣйствительный студентъ Московской духовной академіи *Димитрій Лебедевъ* опредѣленъ на должность учителя русскаго языка въ старшіе штатные классы Уфимскаго духовнаго училища“.

в) отъ 28 марта за № 3066: „По утвержденному Г. Синодальнымъ Оберъ-Прокуроромъ, 19 марта 1903 г., докладу Учебнаго Комитета при Святѣйшемъ Синодѣ кандидатъ Московской духовной академіи *Александръ Померанцевъ* опредѣленъ на должность учителя русскаго языка въ старшіе классы Дмитровскаго духовнаго училища.

Канцелярія Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода долгомъ поставяетъ сообщить о семъ Совѣту академіи для свѣдѣнія и зависящаго распоряженія“.

Справка: По распоряженію Преосвященнаго Ректора Академіи дѣйствительному студенту Дмитрію Лебедеву и кандидату Александру Померанцеву дано знать о состоявшемся назначеніи ихъ на духовно-учебную службу.

Опредѣлили: Принять къ свѣдѣнію.

Г. Отношеніе Учебнаго Комитета при Святѣйшемъ Синодѣ отъ 14 апрѣля за № 578:

„Озабочиваясь своевременнымъ замѣщеніемъ открывшихся и имѣющихъ открыться въ непродолжительномъ времени преподавательскихъ вакансій въ духовныхъ семинаріяхъ и училищахъ и вакансій помощниковъ инспекторовъ въ семинаріяхъ, съ такимъ разчетомъ, чтобы вновь назначенные на упомянутыя вакансіи кандидаты Академій могли явиться къ мѣстамъ службы къ самому началу 1903 — 1904 учебнаго года, Учебный Комитетъ имѣетъ честь покорнѣйше просить Совѣтъ Московской духовной академіи о доставленіи въ Комитетъ списковъ по установленнымъ формамъ оканчивающихъ въ текущемъ году курсъ воспитанниковъ означенной Академіи къ 15 іюня сего года“.

Опредѣлили: Доставить въ Учебный Комитетъ при Святѣйшемъ Синодѣ списки оканчивающихъ въ текущемъ году курсъ воспитанниковъ Академіи немедленно по утвержденіи послѣднихъ въ ученыхъ степеняхъ и званіяхъ.

VI. Вѣдомость Преосвященнаго Ректора Академіи о пропущенныхъ наставниками Академіи лекціяхъ въ мартѣ мѣсяцѣ текущаго года, изъ которой видно, что—

а) по болѣзни: заслуженный ординарный профессоръ Дмитрій Голубинскій опустилъ 16 лекцій, экстраординарный профессоръ Анатолій Спасскій (уволенный въ отпускъ до конца 1902—1903 учебнаго года)—14 лекцій, исправляющій должность доцента и лекторъ французскаго языка Павелъ Соколовъ—6 лекцій, исправляющій должность доцента Сергій Смирновъ—4 лекціи, экстраординарный профессоръ Иванъ Андреевъ и исправляющіе должность доцента Павелъ Тихомировъ и іеромонахъ Іосифъ (Петровыхъ) — по 2 лекціи; б) по домашнимъ обстоятельствамъ: исправляющій должность доцента Николай Городенскій—1 лекцію.

Опредѣлили: Вѣдомость записать въ протоколъ настоящаго собранія для напечатанія въ академическомъ журналѣ.

VII. Отзывы о сочиненіи исправляющаго должность доцента Академіи по кафедрѣ теоріи словесности и исторіи иностранныхъ литературъ, кандидата богословія, Николая *Городенскаго* подъ заглавіемъ: „Нравственное сознаніе челоувѣчества“, представленномъ на соисканіе степени магистра богословія:

а) экстраординарнаго профессора Академіи по кафедрѣ нравственнаго богословія *Михаила Таръева*:

„Сочиненіе г. Городенскаго состоитъ изъ 8 статей. Въ первой сущность нравственности, какъ общечеловѣческаго явленія, указывается въ нравственной оцѣнкѣ (стр. 1—25). Во второй статьѣ (стр. 26—96) путемъ критики эвдемонистической и телеологической точекъ зрѣнія на нравственность устанавливается специфическая природа нравственной оцѣнки, ея своеобразность, ея самостоятельный характеръ. Нравственность не сводится къ различію вообще пріятнаго и непріятнаго, но она имѣетъ въ своей основѣ особое нравственное чувство; въ силу этого чувства, конечно, нравственно-доброе пріятно, но цѣнность нравственнаго стремленія и нравственнаго удовольствія отличается отъ другихъ удовольствій качественно, опредѣляется по особому критерию достоинства, возвышенности, предполагаетъ точку зрѣнія высшаго и низшаго. Далѣе, въ третьей статьѣ (стр. 97—136), авторъ пси-

хологическую природу нравственного сужденія, въ ея противоположности другимъ типамъ оцѣнки, указываетъ въ томъ, что интересъ, лежащій въ основѣ нравственного сужденія, стремится быть, съ отрицательной стороны, безкорыстнымъ, съ положительной—объективнымъ. „Въ основаніи его лежитъ не мысль объ удовольствіи, а идея достоинства или совершенства. Эти понятія указываютъ на то, что существуетъ цѣнность, независимая отъ нашихъ чувствъ, склонностей и желаній, заключающаяся въ самой природѣ вещей“. Объективность нравственной оцѣнки опредѣленіе выражается въ идеяхъ всеобщности и необходимости. Нравственный императивъ, говоря языкомъ Канта, есть категорическій императивъ. Основное психологическое выраженіе нравственной цѣнности дается въ нравственномъ чувствѣ, которое не стоитъ въ ряду съ другими опредѣленными видами чувствованій, каковы любовь, ненависть, надежда, но цѣнить и судить ихъ, стремится вообще быть выше ихъ. Оно проявляется въ двухъ формахъ: во-первыхъ, какъ чувство нравственной цѣнности, непосредственно отражающее внутреннее достоинство поступка и воли, показывающее ихъ высоту и низость, и во-вторыхъ, какъ чувство долга. Психологическая основа объективнаго характера нравственной оцѣнки указывается въ тѣсной связи нравственного чувства съ интеллектомъ. Какой бы то ни было объектъ дается только въ познаніи. „Объектомъ нравственного чувства является извѣстная идеальная форма опредѣленія воли, которая, поскольку она осуществляется или не осуществляется въ отдѣльныхъ актахъ, можетъ вызывать движенія чувства и непосредственно, но обычно уже заранѣе нами мыслится въ видѣ извѣстнаго объективнаго закона, правила или нормы. Представленіе нравственного закона или правила кажется нашему сознанію само по себѣ достаточнымъ основаніемъ для дѣйствія, а нравственное чувство является лишь отраженіемъ этого чисто интеллектуальнаго подчиненія правилу, субъективнымъ показателемъ того, что воля подчиняется закону, а не основаніемъ этого подчиненія, хотя практически это подчиненіе и не можетъ осуществиться независимо отъ субъективныхъ мотивовъ“. Авторъ усваиваетъ мысль Канта объ опредѣленіи воли непосредственно представленіемъ закона или разума. вмѣстѣ съ тѣмъ принимается и взглядъ Канта

на чувство уваженія, какъ на чувство „активно созданное чрезъ понятіе разума“, и въ этомъ чувствѣ усматривается объединеніе и чувства нравственной цѣнности, и чувства долга. Далѣе слѣдуетъ статья „Апріорная природа нравственнаго сужденія“ (стр. 137—176), весьма важная для опредѣленія этическихъ воззрѣній автора. Здѣсь, выступая изъ предѣловъ психологическаго анализа, который въ объективности, всеобщности и необходимости нравственнаго сужденія отмѣчаетъ только фактическія притязанія, авторъ ставитъ гносеологическій вопросъ о достовѣрности нравственной оцѣнки. Эта достовѣрность не можетъ утверждаться на опытѣ, такъ какъ нравственный законъ совѣмъ не имѣетъ дѣла съ тѣмъ, что совершается дѣйствительно, хотя бы и необходимо, но онъ указываетъ лишь на то, что должно совершаться, хотя бы оно совѣмъ не совершалось въ дѣйствительности. Всеобщность и необходимость суть понятія разума, поэтому обоснованіе всякой достовѣрности покоится въ концѣ концовъ на принципахъ разума. Такъ и въ вопросѣ о достовѣрности нравственнаго сужденія. Разумъ обосновываетъ нравственность не на своихъ свойствахъ, не на своихъ психологическихъ условіяхъ, включая сюда прирожденность нравственной идеи, не на происхожденіи морали изъ разума,—нравственность обосновывается на логической функціи мышленія. Такъ г. Городенскій объясняетъ нравственный формализмъ (апріоризмъ) Канта, къ которому онъ здѣсь ближайшимъ образомъ примыкаетъ. Разумъ, по его словамъ, есть способность объективнаго отношенія къ міру: въ теоретической области онъ создаетъ истинное знаніе, въ нравственной безкорыстное поведеніе. Моральная объективность есть ни что иное, какъ безкорыстіе и самоотреченіе. „Эгоизмъ и своекорыстіе по своей основѣ суть дѣло животнаго инстинкта, тогда какъ безкорыстіе есть дѣло разума“. Авторъ защищаетъ ученіе Канта о практическомъ значеніи чистаго разума отъ важнѣйшихъ возраженій, сдѣланныхъ противъ этого ученія. Въ слѣдующей статьѣ (стр. 177—212) авторъ, рѣшая вопросъ о происхожденіи нравственности, продолжаетъ разсужденія предыдущихъ статей. Нравственное сознаніе, съ одной стороны, подлежитъ психологическому объясненію, съ другой стороны—по своей логической сущности оно не обнимается всецѣло психологіей. Логиче-

ское сознание выходитъ изъ самаго субъекта и въ этомъ смыслѣ противоположно психологической необходимости, которая кажется налагаемою отвнѣ. Генезисъ разумнаго сознанія для насъ тайна, но во всякомъ случаѣ разумное самосознаніе не только обосновываетъ моральную достовѣрность, но объясняетъ самое существованіе нравственности, какъ дѣйствительнаго факта. Авторъ затѣмъ подробно раскрываетъ образованіе собственно чувства долга и попутно критикуетъ ученіе Дарвина и теорію идей—силъ. Выводъ тотъ, что самый принципъ разумности, сознанный въ своемъ практическомъ значеніи, можетъ служить источникомъ нравственнаго долженствованія. Но нравственность, какъ сказано, допускаетъ и историко-психологическое объясненіе. „Было бы невѣрно и психологически, и исторически утверждать, что человѣкъ пришелъ къ предпочтенію одного образа дѣйствія другому сразу вслѣдствіе сознанія его разумности. Разумное сознаніе само по себѣ всегда вырастаетъ на почвѣ извѣстнаго психологическаго механизма; привычки, инстинкты, психологическія ассоціаціи всегда подготавливаютъ путь для разумныхъ принциповъ“. Историко-психологическое объясненіе происхожденія нравственности и предлагается авторомъ въ послѣднихъ трехъ статьяхъ: „Условія воспитанія нравственнаго сознанія у ребенка“ (стр. 213—244), „Условія первоначальнаго воспитанія нравственнаго сознанія въ человѣческихъ обществахъ“ (стр. 245—282) и „Значеніе религіи въ дѣлѣ воспитанія нравственнаго сознанія на низшихъ ступеняхъ общественной жизни“ (283—334).

Сочиненіе г. Городенскаго обладаетъ крупными достоинствами.

Прежде всего заслуживаетъ особой похвалы то, что авторъ, на всемъ протяженіи своего солиднаго труда, имѣетъ дѣло съ самымъ предметомъ своего изслѣдованія, а не съ книгами, относящимися къ его области. Хотя онъ въ рѣшеніи вопросовъ изслѣдованія основывается на наличной этической литературѣ и весь трудъ его излагается критически, но его изслѣдованіе представляетъ изъ себя послѣдовательное развитіе стройнаго этическаго ученія, такъ что возрѣнія другихъ ученыхъ, къ которымъ онъ примыкаетъ, излагаются имъ лишь въ той степени, въ какой усвоятся имъ, а мнѣнія ученыхъ, съ которыми онъ несогласенъ,

передаются лишь въ тѣхъ существенныхъ пунктахъ, которые нуждаются въ критическомъ освѣщеніи. Онъ не цитуетъ сочиненій и не излагаетъ чужихъ мнѣній только ради того, что они существуютъ и высказаны; изложеніе и критика разнообразныхъ этическихъ ученій не составляютъ у него самостоятельныхъ обширныхъ отдѣловъ при сомнительной связи съ положительными выводами; но все содержаніе его труда строго подчинено логическому плану, нигдѣ не обременено излишнимъ мнимо ученымъ балластомъ, стройность плана нигдѣ не нарушена бесполезными экскурсіями въ смежныя области. Все свидѣтельствуетъ о навыкѣ автора управлять своею мыслью, объ умѣннн его ориентироваться въ литературѣ предмета, выбирать между нужнымъ и ненужнымъ, существеннымъ и второстепеннымъ.

Затѣмъ трудъ г. Городенскаго имѣетъ характеръ ученаго изслѣдованія. Авторъ не претендуетъ на оригинальность ни въ постановкѣ этической проблемы, ни въ рѣшеніи ея вопросовъ, но какъ въ главномъ, такъ и въ частностяхъ его изслѣдованіе утверждается на критически-провѣренныхъ результатахъ этической науки. Въ главномъ онъ слѣдуетъ Канту, въ частностяхъ онъ почерпаетъ отовсюду, напр. у Лекки заимствуетъ опредѣленіе нравственной оцѣнки какъ оцѣнки съ точки зрѣнія высоты и низости, у Гюйо (преимущественно)—мысль о тождествѣ въ послѣднемъ основаніи чувствъ эстетическаго, интеллектуальнаго и моральнаго, часто обращается къ Фулье, въ своемъ мѣстѣ пользуется теоріей идей—силъ и пр. Въ этомъ нужно видѣть объясненіе главной цѣнности труда. Послѣдній смѣло можетъ быть названъ плодомъ внимательнаго, продолжительнаго изученія и критическаго обсужденія важнѣйшихъ сочиненій этической науки. При этомъ авторъ стоитъ на высотѣ философскаго мышленія, вполне владѣетъ подлежащей терминологіей, излагаетъ мысли ясно и стройно, пишетъ языкомъ литературнымъ. Достоинства его философско-критическаго мышленія достаточно обнаруживаются уже въ его отношеніи къ Канту, въ глубокомъ и выдержанномъ пониманіи его, хотя авторъ и не является вполне самобытнымъ комментаторомъ философіи категорическаго императива и хотя, съ другой стороны, иногда закрадывается въ душу читателя сомнѣніе, не выступаетъ ли здѣсь сухая фигура нѣмецкаго философа въ

слишкомъ широко и мягкомъ одѣяніи здраваго смысла. Во всякомъ случаѣ то, что авторъ развиваетъ этические принципы чистаго практическаго разума, говоритъ и въ пользу его критическаго мышленія, и обнаруживаетъ апологетическія достоинства его изслѣдованія, такъ какъ „кантіанство—это самая возвышенная и утонченная форма христіанства“, какъ выражается Фулье. Заслуживающими особеннаго вниманія должны быть признаны тѣ страницы, на которыхъ идетъ разсужденіе о логической достовѣрности нравственнаго долга,—о томъ, что нравственность основывается не на свойствахъ разума и тѣмъ менѣе на иныхъ какихъ-либо психологическихъ свойствахъ человѣческой природы, а на логической функціи мышленія. Только въ этомъ случаѣ разумъ пріобрѣтаетъ непосредственно этическое значеніе и этика становится раціональною наукою. Эта точка зрѣнія тѣмъ цѣннѣе, что является доступною не для всякаго этическаго направленія. Напротивъ, у писателей извѣстнаго рода, напр. у Сутерланда въ сочиненіи „Происхожденіе и развитіе нравственнаго инстинкта“ мы находимъ описаніе процесса, какимъ изъ потребностей животной жизни возникаетъ нравственный инстинктъ, но не встрѣчаемъ чисто раціональнаго обоснованія нравственныхъ требованій. Здѣсь все внушаетъ мысль, что нравственный долгъ не имѣетъ для насъ разумной убѣдительности. „Въ своей наиболѣе благородной формѣ—говорятъ намъ—нравственность является, когда симпатія, долгъ и самоуваженіе озаряются эстетическимъ чувствомъ, когда доброе поведеніе вызываетъ тотъ энтузіазмъ, который вспыхиваетъ внутри насъ при видѣ чего-нибудь прекраснаго“... Посему высшая форма нравственности для разума остается внѣшнею и не отъ него получаетъ послѣднюю санкцію. Подобно этому сочиненіе Бентама „Введеніе въ основаніе нравственности и законодательства“ обращено не къ разуму нравственнаго дѣятеля, а къ законодателю: оно не говоритъ первому, почему онъ долженъ жить нравственно, оно научаетъ послѣдняго, какъ онъ долженъ дѣйствовать на волю гражданъ посредствомъ удовольствій и страданій. Также и Милль („Утилитаріанизмъ“) обращается къ законодательству и педагогикѣ. „Какъ средство приблизиться сколько возможно къ идеалу утилитаріанской нравственности, утилитаріанскій

принципъ, по его словамъ, требуетъ во-первыхъ, чтобы въ обществѣ существовали такіе законы и такія учрежденія, которые приводили бы въ наивозможно большую гармонію индивидуальное счастье съ интересами, общими для всѣхъ, и во-вторыхъ, чтобы воспитаніе и общее мнѣніе впечатлѣвали въ умъ каждаго индивидуума, что его личное счастье связано съ счастьемъ всѣхъ“. И Спенсеръ („Данныя этики“) всѣ свои надежды возлагаетъ не на разумъ, а на законы жизни, думая, что „непрерывная общественная дисциплина постепенно сформируетъ человѣческую натуру такимъ образомъ, что, подь конецъ, каждый будетъ непринужденно и самопроизвольно стремиться къ симпатическимъ удовольствіямъ“. Итакъ изъ среды факторовъ этического прогресса исключается разумъ, только посредственно, т. е. чрезъ чувство удовольствія, заинтересованный въ нравственномъ прогрессѣ. Въ виду такого направленія этической науки должно привѣтствовать собственно рациональное обоснованіе нравственности, которое расчищаетъ пути для христіанской проповѣди, поскольку послѣдняя всегда обращается къ личному разуму. Раскрытіе этическихъ принциповъ философіи категорическаго императива должно признать особенно благопотребнымъ для нашего времени—времени исканій „внутренняго свѣта“, погони за твердой почвой. По указаннымъ своимъ достоинствамъ трудъ г. Городенскаго среди оригинальныхъ русскихъ сочиненій по этикѣ можетъ быть названъ выдающимся трудомъ и усиленно рекомендуемъ, особенно для учащихся, какъ надежное руководство къ изученію этической литературы и къ правильной постановкѣ этической проблемы.

Однако нравственная проблема слишкомъ трудна и при современномъ состояніи науки каждое сочиненіе, ставящее себѣ смѣлую задачу дать положительное и полное рѣшеніе вопросовъ этики, по необходимости должно страдать значительными недочетами. Тотъ методъ, котораго держится авторъ, желающій обосновать понятіе категорическаго долга и всеобще—необходимый принципъ нравственности на результатахъ этической науки въ лицѣ ея лучшихъ представителей разныхъ направленій и на данныхъ этнографическаго и историко-психологическаго характера,—этотъ методъ заранѣе располагаетъ читателя опасаться, не встрѣтимъ-

мы здѣсь, съ одной стороны, благонамѣреннаго сглаживанія характеристическихъ чертъ или другого воззрѣнія, усвояемаго авторомъ, по масштабу здраваго смысла, и не натолкнемся ли, съ другой стороны, на внутреннія противорѣчія, на нѣкоторое двойство въ теченіи мыслей. Опасенія, повидимому, оправдываются. Въ существенномъ авторъ, какъ сказано, примыкаетъ къ Канту и въ смыслѣ именно его философіи раскрываетъ понятіе объективнаго значенія практическаго разума. Но примѣчательно, что то же самое понятіе мы встрѣчаемъ у рѣшительнаго противника кантіанства и сторонника эволюціонной морали, Фулье. Послѣдній пишетъ: „между умомъ и дѣйствіемъ устраняется средній элементъ, тогда какъ между неразумнымъ существованіемъ и дѣйствіемъ природа вставляетъ еще двигатель—удовольствіе, доставляемое чувствованіемъ... Нравственный идеаль, идеаль дѣятельности, независимой даже отъ самаго удовольствія, вполне отвлеченный, и въ этомъ смыслѣ, совершенно свободный, обладаетъ силой самопроизвольнаго осуществленія: идея нравственности есть начало самой нравственности... Съ тѣхъ поръ, какъ идея нравственности проникаетъ въ сознаніе человѣка, онъ перестаетъ быть тѣмъ эгоистомъ, какимъ онъ былъ въ первобытномъ состояніи. Мысль, что я могу выйти изъ круга только моихъ личныхъ интересовъ и что для меня, какъ мыслящаго существа, способнаго постигать вселенную, дѣйствительно хорошо выйти за предѣлы своего „я“—эта мысль не есть уже болѣе „тяготѣніе къ себѣ“; „я“, которое стремится отдѣлиться отъ своихъ личныхъ интересовъ и любить, не есть уже болѣе „презрѣнное я“. Эта мысль и это желаніе безкорыстія не остаются никогда вполне платоническими и совершенно безплодными“ и т. д. II вотъ возникаетъ вопросъ, насколько для г. Городенскаго необходимо было выразить логическое обоснованіе морали въ терминахъ философіи категорическаго императива. Вникая въ сущность дѣла, мы приходимъ къ тому заключенію, что для него было бы совершенно безразлично, примкнуть-ли къ Фулье или къ Канту, что онъ не беретъ себѣ изъ Критики практическаго разума наиболѣе характеристическаго для кантіанства, что онъ не имѣетъ собственно права употреблять кантовскую терминологію, такъ какъ не соединяетъ съ нею строго кантовскаго смысла. Онъ, напр., думая оставаться на

почвѣ кантіанства, пишетъ: „разумъ не только познаетъ, но и создаетъ міръ знанія, какъ нѣчто сознательно и научно объективное; онъ же создаетъ въ практической области міръ морали и дѣлаетъ это тѣмъ же методомъ, какъ и въ области теоретическаго знанія“ (стр. 158 и д. сл. стр.). Но кому же не извѣстно, что у Канта отношеніе къ опыту чистаго теоретическаго разума и чистаго практическаго разума представляется совершенно различно, до противоположности, и эта противоположность составляетъ исходный пунктъ его практической философіи? О практическомъ употребленіи разума Кантъ пишетъ: „Употребленіе чистаго разума одно только имманентно, употребленіе же эмпирически-условное, имѣющее притязаніе на всеобщее господство, напротивъ того, трансцендентно, и выражается въ предположеніяхъ и повелѣніяхъ, совершенно выходящихъ за предѣлы его сферы. Это является прямо обратнымъ тому, что можно сказать о чистомъ разумѣ въ теоретическомъ употребленіи“.—Далѣе г. Городенскій разсуждаетъ о „цѣнности, независимой отъ нашихъ чувствъ, склонностей и желаній, заключающейся въ самой природѣ вещей“ (стр. 102—103), о соотвѣтствіи нравственной оцѣнки съ объективной цѣнностью, сводя впрочемъ объективность къ идеямъ всеобщности и необходимости (109—110 и др.). Но вѣдь по ясному ученію Канта въ нравственности воля не опредѣляется объектомъ, а сама служитъ причиною объектовъ,—объекты чистой воли не предшествуютъ моральному закону, а опредѣляются только чрезъ него.—Затѣмъ въ ученіи Канта понятіе нравственности неразрывно связано съ идеей свободы. Свободу онъ называетъ условіемъ существованія (*ratio essendi*) нравственнаго закона, а нравственный законъ условіемъ познанія (*ratio cognoscendi*) свободы. Моральный законъ по Канту, какъ *factum* нашего сознанія, осмысливается лишь идеей ноуменальной свободы. Извѣстно, въ какія глубины умозрѣнія заводитъ насъ кантовское понятіе ноуменальной свободы и къ какимъ оно приводитъ затрудненіямъ. Г. Городенскій избѣгаетъ этихъ затрудненій тѣмъ, что онъ ни слова не говоритъ о свободѣ. Но какое же онъ въ такомъ случаѣ имѣетъ право говорить о категорическомъ императивѣ? Что такое категорическій императивъ Канта безъ ноуменальной свободы?—Самый центральный пунктъ въ практической философіи Канта это есть понятіе

практическаго значенія чистаго разума, — именно задачею своей второй критики онъ ставитъ доказать, что существуетъ чистый практический разумъ. Отнимите отъ философіи Канта это понятіе, оставьте одну только логическую достовѣрность нравственнаго закона, и вы уничтожите, исказите кантіанство. А практическое значеніе чистаго разума у Канта устанавливается чрезъ понятіе свободы. Посему, отказываясь отъ понятія ноуменальной свободы, называя чистое нравственное побужденіе, свободное отъ эвдемонистическаго оттѣнка, исключительно нашей абстракціей (стр. 132), г. Городенскій существенно порываетъ съ кантіанствомъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ теряетъ для себя понятіе практическаго значенія разума. И та страница (166), на которой онъ говоритъ о кантовскомъ понятіи практическаго значенія чистаго разума, не имѣетъ подъ собою твердой почвы. Примѣчательно, что даже на этой единственной страницѣ авторъ кантовскую „точку зрѣнія трансцендентальнаго сознанія“ разбавляетъ психологической теоріей идей—силъ. Въ результатѣ у него разумная достовѣрность нравственнаго закона всецѣло сводится къ той незначительной области, въ которой Фулье и Кантъ, при наложеніи, совпадаютъ,—это область логическихъ правилъ, о которыхъ Кантъ утверждалъ, что они не распространяются на реальности. Г. Городенскій ставитъ вопросъ о томъ, не есть ли предполагаемая нравственною оцѣнкою объективность пустое притязаніе, имѣютъ ли наши нравственныя понятія реальность, соответствуетъ ли имъ дѣйствительная, независимая отъ нашего субъективнаго міра норма поведенія (стр. 138—139), и въ то-же время утверждаетъ, что метафизическая недостовѣрность не можетъ колебать практической достовѣрности, для которой достаточно противоположности между своекорыстіемъ и безкорыстіемъ въ предѣлахъ нашего сознанія (109). Было бы съ его стороны убѣдительнѣе, если бы онъ или вмѣстѣ съ Кантомъ утверждалъ ноуменальный характеръ практическаго разума, или вмѣстѣ съ Фулье наполнилъ разумное сознаніе „міропониманіемъ и міропознаніемъ“, отъ чего онъ отрекается (стр. 148, хотя и проговаривается на стр. 166 о психофизической энергіи „разумнаго познанія своего положенія въ мірѣ“).—Наконецъ, слѣдуя Канту до того, что принимаетъ его ученіе о безкорыстномъ интересѣ и о чувствѣ уваженія,

как о чувствѣ „активно созданномъ чрезъ понятіе разума“ (стр. 130), г. Городенскій утверждаетъ, что строгое разграниченіе нравственнаго побужденія отъ эвдемонистическаго есть лишь наша абстракція, которой дѣйствительность не только не соотвѣтствуетъ, но и не можетъ соотвѣтствовать, и что въ реальной дѣйствительности нравственное побужденіе и склонности всегда и неизбѣжно другъ друга предполагаютъ (стр. 132—133). Что же въ такомъ случаѣ остается отъ Канта?

Итакъ, у г. Городенскаго отъ Канта остается слишкомъ мало и все-же кантіанскій элементъ ставитъ его въ рѣзкое противорѣчіе съ этнографическими и историко-психологическими наблюденіями позитивной этики. Вотъ образцы такихъ противорѣчій. Въ первой статьѣ онъ доказываетъ, что въ самомъ содержаніи нравственныхъ явленій мы не найдемъ общихъ признаковъ, на основаніи которыхъ можно было бы опредѣлить, что такое нравственность, какъ фактъ человѣческаго сознанія и жизни (стр. 16. Замѣтимъ, что это положеніе у него не доказано ср. стр. 12. 18 — 20); въ послѣднихъ статьяхъ онъ даже выражается такъ: наличность нравственной оцѣнки важнѣе правильнаго примѣненія ея, самый фактъ различенія должнаго и не должнаго важнѣе того, чтобы добро имѣло нравственный характеръ (295. 297. 325). Напротивъ того, въ центральныхъ статьяхъ онъ говоритъ, что разумъ есть способность объективнаго отношенія къ міру, что онъ въ практической области такъ же создаетъ безкорыстное поведеніе, какъ въ теоретической создаетъ чистое знаніе, что безкорыстіе единственно разумно, что объективно-безкорыстное поведеніе составляетъ сущность нравственности, даже разсуждаетъ объ объективной цѣнности, заключающейся въ самой природѣ вещей (165. 102 — 103. 109—110), при чемъ нравственное чувство называетъ лишь субъективнымъ отраженіемъ чисто-интеллектуальнаго подчиненія правилу (128). Или еще. Съ одной стороны онъ утверждаетъ, что нравственная оцѣнка имѣетъ въ своей основѣ чувство (53), что въ предикатѣ сужденій цѣнности мы всегда найдемъ непосредственное или отдаленное указаніе на чувство (97), что это нравственное чувство есть чувство въ обычномъ смыслѣ этого понятія (111), что только удовольствіе и страданія, соединенныя съ желаніями и влеченіями, дѣлаютъ ихъ психологически понятными мотивами

поведенія (67), что чувства эстетическое, интеллектуальное и моральное тождественны въ своемъ послѣднемъ основаніи (114), что нравственность не чужда эвдемонистическаго отъѣнка, что она всегда и неизбѣжно представляетъ собою не только извѣстнаго рода интеллектуальное прозрѣніе, но также сумму естественныхъ, исторически сложившихся склонностей, удовлетвореніе или неудовлетвореніе которыхъ необходимо вызываетъ пріятныя или непріятныя чувства (132); съ другой стороны, онъ говоритъ, что указаніе на объективную цѣнность, заключающуюся въ самой природѣ вещей, только *можетъ* быть дано въ формѣ чувства, что она такъ же мало зависитъ отъ нашихъ субъективныхъ движеній, какъ мало законы природы зависятъ отъ того представленія, какое объ нихъ имѣютъ люди, что, поставляя свои нравственные приговоры, мы вовсе не заинтересованы нашимъ я, его пріятными или непріятными чувствованіями, что съ точки зрѣнія счастья (безъ различія внѣшнихъ благъ или скорбей отъ субъективнаго настроенія) жизнь несправедливаго несравненно привлекательнѣе (102—103. 122). Еще. Въ статьяхъ центральныхъ, философскихъ, авторъ увѣряетъ, что „нравственное чувство является въ сознаніи показателемъ цѣнности, понятной для разума, — оно есть какъ бы зрячее чувство, сопровождаемое яснымъ сознаніемъ своего разумнаго *raison d' être*“ (196), что разумное сознаніе „представляется выходящимъ изъ самого субъекта въ противоположность психологической необходимости, которая кажется налагаемою отъ внѣ“ (189); напротивъ, въ статьяхъ окраинныхъ, этнографическихъ, мы читаемъ, что „нравственность есть обитающій въ нашей душѣ внутренней авторитетъ, котораго мы слушаемъ невольно и безотчетно“ (297), что чувство долга важнѣе нравственнаго характера добра (ср. выше), — и съ этой именно точки зрѣнія авторъ разсматриваетъ воспитаніе нравственности въ индивидуумахъ и народахъ. И т. д. Черезъ все сочиненіе г. Городенскаго проходятъ два порядка мыслей, какъ два теченія, не сливаясь между собою — что по одному порядку мыслей у него считается невозможнымъ, то по другому порядку является реальнымъ, и въ результатѣ нравственность оказывается областью, въ которой *невозможное становится реальнымъ* (108). Но вѣдь... реальнымъ бываетъ только возможное.

Справедливость требуетъ сказать, что авторъ старается примирить эти два теченія и выставляетъ нѣкоторые посредствующіе пункты довольно удачно,—именно пониманіе объективности въ смыслѣ идей всеобщности и необходимости (109—110), но провести до конца это примиреніе ему не удалось. Слѣдишь съ величайшимъ интересомъ за развитіемъ мыслей автора, сочувствіе читателя на его сторонѣ, видишь, что у него нѣтъ недостатка ни въ глубинѣ и остротѣ мышленія, ни въ эрудиціи, невольно чувствуешь здѣсь роковую противоположность міровъ феноменальнаго и ноуменальнаго, роковую невозможность выразить моральный абсолютъ въ терминахъ позитивной мысли, но все же не хочется сознаться, что здѣсь предѣлъ науки, хочется думать, что будущимъ поколѣніямъ удастся то, что, можетъ быть, выше силъ современной философіи.

Слѣдуетъ также указать на нѣкоторые слабые пункты въ сочиненіи г. Городенскаго. Въ этомъ случаѣ прежде всего нужно отмѣтить недостаточность аргументаціи автора въ доказательство пракческаго значенія разума,—и это объясняется не только указанною выше нерѣшительностью автора въ отношеніи къ Канту и Фулье, но главнымъ образомъ тѣмъ, что онъ посвящаетъ всего одну страницу вопросу, которому, по важности его для точки зрѣнія автора, долженъ былъ бы посвятить треть книги. Въ сущности того же вопроса авторъ касается при разборѣ теоріи идей—силъ (стр. 200 — 207), но оцѣнку этой теоріи мы не можемъ признать достаточною. Между прочимъ можно пожалѣть, что авторъ, разбирая теорію Фулье и Гюйо, не вспомнилъ мысли Гюйо о значеніи вѣры для движущей силы идей. „Дѣйствуютъ, пишетъ Гюйо,—пропорціонально тому, во что вѣруютъ“ и т. д. Если бы авторъ съ надлежащею внимательностью поставилъ вопросъ о практическомъ значеніи разума, то онъ во всякомъ случаѣ не ограничилъ бы значенія религіи для нравственности только низшими ступенями общественной жизни.—Нужно также пожалѣть, что авторъ не остановился съ должнымъ вниманіемъ на вопросѣ собственно о совѣсти, хотя тема его труда (Нравственное сознаніе = совѣсть) и сущность затронутыхъ въ немъ вопросовъ требовали бы этого. — Должно также обратить вниманіе на то, что разумное безкорыстіе, о которомъ

говорить авторъ, есть только законническое самоограниченіе, или справедливость въ смыслѣ Спенсера, защищающаго не только альтруизмъ противъ эгоизма, но и эгоизмъ противъ альтруизма, но никакъ не самоотреченія въ смыслѣ евангельской любви: „нѣтъ больше той любви, какъ если кто положить душу за друзей своихъ“.

Можно было бы еще указать на нѣкоторыя менѣе важныя достоинства и недостатки разсматриваемаго труда, но это не измѣнило бы того послѣдняго вывода нашей рецензіи, что сочиненіе г. Городенскаго, при нѣкоторыхъ недостаткахъ, обладаетъ крупными достоинствами и не только вполне заслуживаетъ автору степень магистра богословія, но и заставляетъ желать, чтобы онъ, согласно своему обѣщанію въ концѣ книги (стр. 334 ср. прим. на стр. 310), продолжалъ трудиться въ этической области, въ которой онъ является даровитымъ и правоспособнымъ работникомъ“.

б) Экстраординарнаго профессора Академіи по кафедрѣ патристики Ивана *Попова*:

„Сочиненіе г. Городенскаго составлено по совершенно ясному и опредѣленному плану. Оно затрогиваетъ три главныхъ вопроса—о сущности нравственности, о природѣ нравственныхъ сужденій и о происхожденіи нравственности.“

Отвѣчая въ первой главѣ на вопросъ, что такое нравственность, какъ общечеловѣческое явленіе, авторъ естественно обращается къ даннымъ этнографіи и, установивъ при помощи фактовъ, собранныхъ этой наукой, два слѣдующихъ основныхъ положенія: 1) люди другихъ культур признаютъ для себя обязательными такіе поступки, которые служатъ предметомъ ужаса для насъ, и 2) нравственное чувство этихъ людей осуждаетъ много вещей, совершенно безразличныхъ съ нашей точки зрѣнія (стр. 9), авторъ приходитъ къ выводу, что общимъ и существеннымъ признакомъ нравственности служить не содержаніе нравственныхъ предписаній, а чисто формальная способность нравственной оцѣнки,—способность смотрѣть на одни поступки, какъ на добро, на другіе, какъ на зло. Теорія, сводящая нравственность къ одной формальной сторонѣ, къ нравственной оцѣнкѣ, очень часто бываетъ связана съ крайними заключеніями о полномъ безразличіи нравственныхъ нормъ, о невозможности установить истинное и для всѣхъ обязательное содержаніе

нравственныхъ предписаній. Г. Городенскій избѣжалъ этой опасности. Для поясненія своей мысли онъ сравниваетъ исторію нравственности съ развитіемъ религіи и науки. На низшихъ ступеняхъ культуры религіи свойственны суевѣрія и обоготворенія конечнаго. Наука въ первую пору послѣ своего возникновенія принимала за истину множество ложныхъ положеній. Тѣмъ не менѣе, разъ достигнуто истинное понятіе о Богѣ и установлено правильное пониманіе законовъ и явленій природы, религіозная и научная истина становятся абсолютными и общеобязательными. То же слѣдуетъ сказать и о моральныхъ нормахъ. Если на первыхъ ступеняхъ развитія нравственнымъ признается безразличное или прямо таки дурное, то нормы поведенія, будучи правильно установлены въ послѣдующемъ развитіи нравственнаго сознанія, становятся непререкаемыми и для всѣхъ обязательными нравственными истинами.

Содержаніемъ втораго отдѣла сочиненія, обнимающаго главы 2 — 5, служитъ выясненіе специфической природы нравственныхъ сужденій. Къ своей цѣли авторъ идетъ сначала отрицательнымъ путемъ, — путемъ критики эвдемонистическихъ теорій, отрицающихъ специфическую природу нравственной оцѣнки. Основной недостатокъ идонистическихъ системъ авторъ видитъ въ томъ, что объясненіе, даваемое ими нравственнымъ явленіямъ, слишкомъ широко. Признавая нравственность ничѣмъ инымъ, какъ только пріятнымъ, онѣ оказываются вынужденными принизить самый нравственный идеаль, чтобы согласовать теорію съ данными нравственнаго сознанія (гл. 2). Въ 3 и 4 гл. изслѣдованія дается положительный отвѣтъ на поставленный вопросъ. Нравственныя сужденія суть сужденія цѣнности. Всякое сужденіе цѣнности опирается на чувство. Нравственныя сужденія имѣютъ свое основаніе въ специфическихъ чувствованіяхъ—въ чувствахъ долга и нравственной цѣнности. Эти чувствованія, какъ и всякія другія, связаны съ извѣстнымъ интересомъ, но въ отличіе отъ всякихъ другихъ чувствъ интересъ, обуславливающий ихъ, отличается признаками объективнаго достоинства и совершенства. Въ основѣ сужденій нравственной цѣнности лежитъ особое чувство, качественно отличающееся отъ всякаго другого, „особая реакція чувства, несводимая на удовольствіе и страданіе“. Типичною

формой выраженія нравственнаго чувства авторъ вслѣдъ за Кантомъ признаетъ уваженіе, нѣсколько смягчая однако ригоризмъ Канта въ ученіи объ отношеніи долга и склонностей. Психологически такой характеръ нравственныхъ сужденій авторъ объясняетъ тѣсною связью морали съ интеллектомъ. Переходя далѣе съ психологической точки зрѣнія на гносеологическую, авторъ ставитъ вопросъ о достовѣрности нравственныхъ сужденій. Признаки всеобщности, необходимости, законосообразности характеризуютъ собою понятія разума. „Требованіе же законосообразности въ области теоретической можетъ быть сведено въ концѣ концовъ къ закону тожества. Въ практической области существуетъ также своего рода законъ моральнаго тожества“. Выраженіемъ этого тожества служатъ, во первыхъ, правила индивидуальной морали, сводящіяся къ тому, что „при наличности одинаковыхъ объективныхъ основаній не должно быть двухъ различныхъ поступковъ“, во вторыхъ, правила общественныхъ отношеній, зиждущіяся на идеѣ равенства личностей, въ корнѣ подрывающей всякій эгоизмъ (стр. 159—160).

Конецъ изслѣдованія, начиная съ 5 гл., посвященъ вопросу о происхожденіи нравственности. Точкою отправления въ рѣшеніи этого вопроса для автора служитъ возможно тѣсное сближеніе нативизма и эмпиризма. „Все содержаніе духовной жизни и всѣ ея формы онъ признаетъ за результатъ опыта“. Съ другой стороны онъ не отказывается допустить, что „нѣкоторыя черты нашей духовной организаціи предопредѣлены самой природой сознанія, самыми условіями сознаваемости, которыя сами по себѣ представляютъ первичный фактъ, нѣкоторое психологическое *a priori*“. Въ нравственной области такой первичный фактъ представляетъ собою самое моральное сознаніе, но оно растетъ и развивается подъ вліяніемъ различныхъ эмпирическихъ условій. Изслѣдованіе этихъ условій роста моральнаго сознанія въ жизни ребенка и въ жизни народовъ и составляетъ содержаніе заключительныхъ главъ. Въ жизни ребенка процессъ первоначальнаго нравственнаго воспитанія сводится къ внушенію. Съ самой колыбели на него дѣйствуетъ авторитетъ родителей и воспитателей, которыхъ дитя не только боится, но любить и уважаетъ, и сила общественнаго мнѣнія. Этимъ объективнымъ воздѣйствіямъ отвѣчаетъ способность ребенка

обобщать отдѣльные уроки въ правила, подчиняться вліанію примѣра и отдаваться психическому настроенію окружающихъ лицъ (стр. 235). Условіемъ воспитанія нравственнаго сознанія въ человѣческихъ обществахъ служить воспріимчивость племень, стоящихъ на низшихъ ступеняхъ культуры, къ общественному мнѣнію и воздѣйствіе на эту благоприятную почву авторитета обычая, авторитета родителей, родоначальниковъ и вождей и наконецъ авторитета религіи.

По поводу послѣднихъ главъ сочиненія, трактующихъ объ эмпирическихъ условіяхъ развитія нравственнаго сознанія у некультурныхъ народовъ, не можемъ не отмѣтить съ полнымъ одобреніемъ тотъ методъ, которымъ въ данномъ отдѣлѣ руководится авторъ. Вопросъ о первобытномъ состояніи человѣчества въ хронологическомъ смыслѣ этого понятія—спорный. Одни признаютъ его состояніемъ нравственной чистоты и совершенства. Другіе, наоборотъ, дикость современныхъ некультурныхъ народовъ считаютъ исходнымъ пунктомъ въ историческомъ развитіи человѣчества. Разрѣшеніе этой проблемы не могло имѣть никакого отношенія къ предмету изслѣдованія г. Городенскаго. Поэтому авторъ оставилъ ее безъ разсмотрѣнія. Самъ онъ держится не хронологической, а логической точки зрѣнія на предметъ. Ему необходимо было выяснитъ постепенный ростъ нравственнаго сознанія. Логика требуетъ, чтобы анализъ былъ начатъ съ самой низшей, съ самой простѣйшей формы нравственнаго сознанія. Дѣло нисколько не измѣняется отъ того, признаемъ ли мы состояніе, въ которомъ находятся самые низшіе изъ современныхъ дикарей, исходною точкою въ развитіи человѣчества или же жалкими остатками первобытной высокой культуры. Каковымъ бы хронологически ни было это состояніе, логически оно является первою ступенью развитія, съ которой хотя бы и ниспавшій до этого уровня челоѣкъ долженъ постепенно подняться до духовной высоты истинно человѣческаго существованія.

Изъ представленнаго изложенія содержанія диссертациі г. Городенскаго ясно, что всѣ основные вопросы, имѣющіе то или иное отношеніе къ избранной темѣ, подвергнуты авторомъ изслѣдованію и освѣщены съ принятой имъ принципиальной точки зрѣнія. Въ философскомъ сочиненіи важнѣе

всего точное разграниченіе понятій и точекъ зрѣнія. Недостаточно точное уразумѣніе границъ понятій ведетъ обыкновенно къ двусмысленности теоріи и къ полемикѣ, которая болѣе затемняетъ, чѣмъ выясняетъ предметъ. Диссертація г. Городенскаго чужда этого недостатка,—и въ этомъ одно изъ главныхъ ея достоинствъ. Общее философское развитие автора, которое чувствуется читателемъ на каждой страницѣ изслѣдованія, сказывается и въ этомъ точномъ разграниченіи до моральнаго и моральнаго, формальной и матеріальной стороны нравственности, склонностей и специфически нравственныхъ чувствованій, чувствъ долга и нравственной цѣнности, нативизма и апріоризма и т. д. Соотвѣтственно этому на всѣ поставленные вопросы въ диссертации даются ясныя и опредѣленные отвѣты.

Моралисту, работающему въ области общихъ вопросовъ нравственности, обыкновенно болѣе всего приходится разсуждать о томъ, что такое нравственность, и о томъ, какъ возможна нравственность. На этомъ пути его встрѣчаетъ трудность перехода отъ идеальныхъ требованій морали къ возможности ихъ выполненія для наличныхъ, эмпирическихъ силъ человѣческой природы. Изслѣдователи, вниманіе которыхъ устремлено главнымъ образомъ на изученіе психологіи нравственной дѣятельности, всегда отстающей отъ идеала, очень часто произвольно понижаютъ самый идеалъ, чтобы тѣмъ вѣрнѣе получить соотвѣтствіе между нимъ и наличною психологическою возможностью. Сочиненіе г. Городенскаго совершенно свободно отъ этого недостатка. Онъ до конца выдерживаетъ строгое понятіе о нравственномъ законѣ, какъ категорическомъ императивѣ, осуществленіе котораго должно быть совершенно безкорыстнымъ.

Книга г. Городенскаго не изобилуетъ цитатами. Читатель не найдетъ въ ней детальной критики философскихъ системъ морали и подробныхъ историческихъ справокъ. Тѣмъ не менѣе она составлена на основаніи добросовѣстнаго изученія литературы философской этики. Давая положительное рѣшеніе намѣченныхъ вопросовъ въ систематическомъ порядкѣ, авторъ всегда подвергаетъ попутной критикѣ сужденія выдающихся моралистовъ, соприкасающіяся съ его собственными положеніями, но представляющія ему лож-

ными или недостаточными. Такъ онъ вступаетъ въ удачную полемику съ Спенсеромъ, Миллемъ, Бентамомъ, Бэномъ, Паульсеномъ, Гюйо, Кантомъ и др. Отсутствие въ диссертации подробной критики этихъ системъ находитъ себѣ объясненіе и оправданіе въ томъ обстоятельстве, что въ русской литературѣ уже имѣются отечественные и переводные критическіе труды подобнаго рода. Въ этомъ пунктѣ нужно однако отмѣтить и одинъ важный пробѣлъ. Авторъ совершенно обошелъ въ своемъ сочиненіи эволюціонную теорію. Между тѣмъ и широкая распространенность этой теоріи, и вопросъ о происхожденіи нравственности, разрѣшеніе котораго авторъ поставилъ своей прямой задачей, должны были побуждать его къ тому, чтобы подробнѣе и опредѣленнѣе высказать предъ читателемъ свое мнѣніе о значеніи наследственности въ происхожденіи и развитіи морали.

Послѣднія главы диссертации, трактующія о факторахъ нравственнаго развитія первобытныхъ народовъ, и особенно самая послѣдняя глава о вліяніи религіи на развитіе нравственности являются новостью въ русской литературѣ. Для составленія ихъ автору пришлось потратить не мало времени и силъ. По самому существу дѣла, все въ этихъ главахъ должно основываться на фактахъ, собранныхъ различными путешественниками и этнографами путемъ непосредственнаго знакомства съ нравами и понятіями некультурныхъ народовъ. Эти сырые матеріалы даетъ обширная литература путешествій, этнографическихъ изслѣдованій и трудовъ по исторіи первобытной культуры. Автору нужно было прочесть десятки книгъ, чтобы извлечь изъ нихъ немного относящихся къ его вопросу фактовъ. При своей начитанности въ этого рода литературѣ авторъ легко могъ увеличить во много разъ размѣры своей книги, однако онъ не злоупотребляетъ обиліемъ сырого матеріала. Чтобы не затемнять теченія своихъ основныхъ мыслей, онъ приводитъ лишь наиболѣе выразительные факты, заключая параллели въ глухіе цитаты подъ строкой.

Главнѣйшимъ недостаткомъ сочиненія является незаконченность его послѣдней части, содержаніемъ которой служитъ историческій очеркъ развитія нравственнаго сознанія. Этотъ очеркъ прерывается какъ разъ тамъ, гдѣ начинается главный интересъ. Авторъ подошелъ только къ тому пре-

дѣлу, который раздѣляетъ область инстинктивнаго и гетерономнаго отъ чисто-нравственныхъ чувствъ и нравственныхъ понятій, достовѣрность которыхъ усматривается разумомъ. Онъ говоритъ намъ о моральномъ внушеніи, въ атмосферѣ котораго зрѣетъ нравственная природа ребенка прежде, чѣмъ перейти отъ пассивной воспріимчивости къ активности подлинно-нравственнаго сознанія. Онъ говоритъ о чувствительности дикаря къ общественному мнѣнію и о нравственномъ воспитаніи его подъ вліяніемъ бытовыхъ и религіозныхъ авторитетовъ. Но все это лишь преддверіе морали. Когда и какъ гетерономная нравственность превращается въ автономную, съ какого момента внѣшняя принудительность авторитета смѣняется чувствомъ внутренняго долга, чрезъ какія стадіи проходитъ процессъ очищенія нравственныхъ понятій—это осталось невыясненнымъ. Раскрытію этихъ вопросовъ авторъ обѣщаетъ посвятить особое изслѣдованіе. Конечно, рецензентъ долженъ одѣлать лишь то, что представлено на его обсужденіе, но въ данномъ случаѣ такой взглядъ на дѣло не былъ бы вполне основательнымъ. Цѣнность всякой теоріи можно опредѣлить только тогда, когда изъ нея сдѣланы выводы, когда намъ покажутъ ея примѣненіе къ дѣйствительности, дадутъ ея развитіе въ частностяхъ. Отсутствіе этого отдѣла въ сочиненіи г. Городенскаго уменьшаетъ степень обоснованности самой его теоріи. Къ сожалѣнію, авторъ не воспользовался представлявшимся ему довольно удобнымъ случаемъ хотя отчасти устранить этотъ недостатокъ. Достовѣрность нравственныхъ правилъ покоится, по его мнѣнію, на присущемъ сознанію законѣ тожества. Это положеніе служитъ однимъ изъ важнѣйшихъ пунктовъ его теоріи. Если бы была дана дедукція частныхъ моральныхъ правилъ изъ принятаго принципа, тогда самая теорія выиграла бы въ своей обоснованности и убѣдительности.

Мы не входимъ въ обсужденіе тезисовъ сочиненія г. Городенскаго по существу. Наша задача дать общую характеристику диссертации. Противъ тезисовъ г. Городенскаго, конечно, можно возражать, но не слѣдуетъ забывать, что въ философіи вообще, а въ этикѣ, кажется, въ особенности невозможно придти къ несомнѣнному и непререкаемому рѣшенію проблемъ.

Изложенныя основанія заставляютъ насъ признать дис-

сертацию г. Городенскаго цѣннымъ вкладомъ въ науку и исполнѣ достаточной для присужденія ея автору степени магистра богословія“.

Справка: 1) По § 29 Положенія объ испытаніяхъ на ученыя степени: „Если диссертация будетъ признана удовлетворительною, то Совѣтъ допускаетъ кандидата къ публичному ея защищенію“. — 2) По § 32 того же Положенія: „Ищущіе степени магистра богословія обязаны представить ректору академіи по крайней мѣрѣ за двѣ недѣли до защищенія 50 (нынѣ 60) экземпляровъ напечатанной диссертации“, что исправляющимъ должность доцента Николаемъ Городенскимъ и исполнено.

Опредѣлили: 1) Допустить исправляющаго должность доцента Академіи по кафедрѣ теоріи словесности и исторіи иностранныхъ литературъ Николая Городенскаго къ защищенію его диссертации на степень магистра богословія. — 2) Оффиціальными оппонентами при защитѣ диссертации назначить экстраординарныхъ профессоровъ Академіи Михаила Тарѣева и Ивана Попова.—3) Предоставить Преосвященному Ректору Академіи войти въ соглашеніе съ магистрантомъ относительно дня коллоквиума и пригласить къ участію въ немъ постороннихъ лицъ.—4) Постановленіе сіе представить на Архипастырское благоусмотрѣніе и утвержденіе Его Высокопреосвященства.

VIII. Прошеніе исправляющаго должность доцента Академіи по кафедрѣ библейской исторіи *іеромонаха Іосифа (Петровыхъ)*:

„Представляя при семъ (въ печати) трудъ мой—„Исторія Іудейскаго народа по Археологіи Іосифа Флавія (опытъ критической оцѣнки и обработки)“, — честь имѣю почтительнѣйше просить Совѣтъ Академіи подвергнуть его разсмотрѣнію въ качествѣ магистерской диссертации“.

Опредѣлили: Магистерскую диссертацию исправляющаго должность доцента іеромонаха Іосифа (Петровыхъ) передать для разсмотрѣнія экстраординарному профессору Академіи по кафедрѣ Священнаго Писанія Ветхаго Завѣта Василию *Мышцыну*.

IX. Заявленіе Преосвященнаго Ректора Академіи о томъ, что обязанности второго рецензента по разсмотрѣнію и оцѣнкѣ магистерской диссертации исправляющаго должность доцента

Академіи ієромонаха Іосифа (Петровыхъ) онъ принимаетъ на себя.

Опредѣлили: Принять къ свѣдѣнію.

Х. Прошеніе исправляющаго должность доцента Академіи по каедрѣ исторіи философіи Павла *Тихомирова*:

„Имѣю честь покорнѣйше просить Совѣтъ Академіи ходатайствовать предъ Святѣйшимъ Синодомъ о командированіи меня на будущій 1903—4 учебный годъ за границу для ближайшаго ознакомленія съ постановкою преподаванія философіи въ Германскихъ университетахъ и для спеціальныхъ занятій по нѣкоторымъ вопросамъ древней и новой философіи и соприкосновенныхъ съ философіей наукъ въ тамошнихъ бібліотекахъ и музеяхъ. вмѣстѣ съ тѣмъ прошу ходатайствовать о назначеніи мнѣ возможнаго пособія въ дополненіе къ моему доцентскому жалованью. Лекціи, которыя я обязанъ въ 1903—4 учебномъ году читать студентамъ II курса, я прочитаю имъ на III курсѣ по возвращеніи изъ-за границы—въ 1904—5 учебномъ году.

Командировка эта мнѣ существенно необходима какъ въ интересахъ преподаванія ввѣренной мнѣ науки, — исторіи философіи,—такъ и для моихъ независимыхъ отъ преподаванія занятій по предмету моей каедры.

Что касается преподаванія, то я позволю себѣ указать слѣдующіе мотивы, которые заставляютъ меня не довольствоваться мѣстными научными и учебными средствами, а стремиться на родину великихъ философскихъ системъ и, такъ сказать, въ лабораторію современныхъ философскихъ идей.

Не говоря уже о сильно ощущаемой недостаточности упомянутыхъ мѣстныхъ средствъ (я разумѣю подъ ними философскіе отдѣлы бібліотекъ — академической и Московскаго Университета), они уже по самому характеру своему (по большей части книги и журналы) не могутъ надлежащимъ образомъ познакомить съ тѣмъ, что для преподавателя особенно важно и цѣнно, именно, съ методами и приѣмами преподаванія, съ научными традиціями въ разработкѣ тѣхъ или иныхъ вопросовъ и съ нѣкоторыми антинаучными или практическими тенденціями, которыя въ книгахъ обыкновенно старательно затушевываются и тщательно скрываются за внѣшней формой объективной научности. Послѣднее обстоятельство почти единогласно свидѣтельствуется людьми, бы-

вавшими въ заграничныхъ университетахъ. Между тѣмъ, исторія философіи, по самому существу своихъ задачъ, — какъ общихъ, такъ и въ системѣ академическаго преподаванія,—является наукой, требующей наиболѣе объективнаго, близкаго и чуждаго всякой тенденціозности познанія ея предмета и наиболѣе искуснаго ея преподаванія.

Такъ какъ исторія философіи въ объективномъ смыслѣ есть процессъ постепенной выработки научно обоснованнаго и истиннаго міровоззрѣнія, то научной задачей историка является возможно вѣрное изображеніе этого процесса и раскрытіе подлиннаго генезиса тѣхъ идей, которыя владѣютъ умами современнаго философствующаго человечества. Этимъ подготавливается почва для правильнаго пониманія философскихъ доктринъ прошлаго, современныхъ идей и истинныхъ задачъ будущаго. Для богослова же имѣетъ существенное значеніе, прежде всего, тѣсная связь первохристіанской литературы (писанія мужей апостольскихъ, апологетовъ, св. отцовъ и учителей церкви) съ греческой и греко-римской философіей. Ему необходима точная и полная освѣдомленность въ философскихъ ученіяхъ древности, чтобы правильно разобраться въ научно-богословскихъ вопросахъ, занимавшихъ первенствующую церковь. Не менѣе важно для богослова, — православнаго въ особенности, — хорошее знакомство и съ новѣйшими философскими системами, оказывающими такое сильное и рѣшительное вліяніе на западное (преимущественно протестантское) богословіе. Въ томъ и другомъ случаѣ, пристрастное или одностороннее освѣщеніе дѣла, находимое иногда въ книгахъ, весьма способно вмѣсто ожидаемой пользы принести даже вредъ учащемуся, если не будетъ парализовано сознательнымъ и опытно приобретеннымъ руководящимъ указаніемъ профессора.

Искусство преподаванія, т. е. методы, приемы, распределеніе учебнаго матеріала, организація внѣклассныхъ практическихъ занятій и т. п., по своему значенію для учащихся едва ли можетъ быть поставлено ниже преподаваемаго содержанія. Если бы было иначе, то слѣдовало бы больше заботиться о хорошихъ учебникахъ, нежели о хорошихъ учителяхъ, чего однако ни прежде, ни въ настоящее время никто не утверждалъ и не рѣшится утверждать. Въ собственномъ смыслѣ слова „учить“ всегда только живая

личность, и убѣжденіе передается отъ души къ душѣ, а не отъ заучаемыхъ слушателями формуль и научныхъ положеній. Въ этомъ отношеніи многолѣтній опытъ западныхъ университетовъ выработалъ весьма много поучительнаго и практически полезнаго для русскаго преподавателя, даже обладающаго солидной и разносторонней ученостью. Въ такомъ многосложномъ и трудномъ дѣлѣ, какъ преподаваніе въ высшей школѣ, одной учености и доброй воли бываетъ иногда крайне недостаточно. Профессура требуетъ специальной подготовки. Въ нашихъ университетахъ это признано и принципиально, и практически: организація магистрантскихъ экзаменовъ, пробныя лекціи, приватъ-доцентура при кафедрѣ какого либо опытнаго профессора и, наконецъ, болѣе или менѣе продолжительныя заграничныя командировки — вотъ перипетіи университетской профессорской кандидатуры, длящейся рѣдко меньше 7—10 лѣтъ и подготовляющей къ занятію кафедры дѣйствительно опытнаго преподавателя. Въ нашихъ духовныхъ академіяхъ эта специальная подготовка къ профессурѣ, какъ извѣстно, почти совершенно отсутствуетъ, а иногда и совершенно отсутствуетъ. Годъ профессорскаго стипендіатства для оставляемыхъ при академіи молодыхъ людей фактически сводится обыкновенно или на обработку кандидатскаго сочиненія въ магистерскую диссертацию, или, — въ томъ случаѣ, когда стипендіатъ уже предназначенъ къ опредѣленной кафедрѣ, — на слѣшное составленіе лекцій для перваго преподавательскаго года, или же, наконецъ, на самообразовательное чтеніе и вольное слушаніе университетскихъ лекцій по предметамъ, сопряженнымъ съ избранной специальностью. Конечно, нельзя отрицать извѣстной цѣлесообразности и пользы ни за однимъ изъ этихъ употребленій стипендіатскаго года. Но вмѣстѣ съ тѣмъ вполнѣ очевидно также, что ни одного изъ нихъ нельзя по справедливости назвать специальной подготовкой къ профессурѣ.

Естественнымъ и неизбежнымъ послѣдствіемъ этого оказывается, прежде всего, подавляющая масса работы, лежащей на плечи начинающаго профессора (и. д. доцента) и продолжающей лежать на нихъ въ среднемъ едва ли менѣе 5—6 лѣтъ: тщательное ознакомленіе съ источниками и литературой преподаваемаго предмета, составленіе лекцій, изу-

ченіе соприкосновенныхъ научныхъ дисциплинъ и, наконецъ,—въ большинствѣ случаевъ,—еще изготовленіе магистерской диссертациі. И при всемъ томъ, его всетаки не покидаетъ чувство нѣкоторой ненормальности такого положенія и сознаніе необходимости хоть послѣ навестать то, что для университетскихъ профессоровъ является необходимымъ предварительнымъ условіемъ преподавательской дѣятельности. Правда, по истеченіи названныхъ 5—7 лѣтъ службы недостатка собственно научной подготовки молодой преподаватель можетъ уже и не чувствовать, хотя нельзя при этомъ не сказать, что общепризнанныя дурныя черты автодиактизма въ академическихъ профессорахъ иногда проглядываютъ довольно замѣтно. Но относительно преподавательскаго искусства дѣло обстоитъ обыкновенно хуже. Природный талантъ и изученіе по описаніямъ учебной постановки въ другихъ заведеніяхъ всетаки не могутъ замѣнить непосредственныхъ впечатлѣній и наблюденій. А какіе примѣры мы видимъ, кромѣ своихъ академическихъ учителей? Отсюда то и объясняется обычное у преподавателей почти всѣхъ духовныхъ академій стремленіе,—по истеченіи извѣстнаго числа лѣтъ, употребленныхъ на изученіе предмета, составленіе курса лекцій и подачу магистерской диссертациі,—къ полученію заграничной командировки.

Лично о себѣ самомъ я долженъ сказать, что занимаю кафедру, вполне отвѣчающую моимъ умственнымъ интересамъ и той подготовкѣ, какую я получилъ въ работѣ надъ кандидатскимъ сочиненіемъ (по философіи) и въ занятіяхъ стипендіатскаго и ближайшаго за тѣмъ времени. По окончаніи моего стипендіатства до поступленія на академическую службу я въ теченіе года слушалъ въ Московскомъ университетѣ нѣкоторыя естественныя науки, имѣющія отношеніе къ философіи. Но, тѣмъ не менѣе, всѣ изложенные мотивы сохранили для меня полную силу. Даже болѣе того, ознакомившись болѣе или менѣе основательно съ своимъ предметомъ, я только яснѣе сталъ сознавать эту ихъ силу. А подавши теперь и отпечатавши магистерскую диссертацию (по богословію) и надѣясь въ маѣ мѣсяцѣ защитить ее, я преисполняюсь желанія впредь уже безраздѣльно посвятить свои силы ввѣренной мнѣ кафедрѣ и разработкѣ преподаваемой мною науки—исторіи философіи.

Въ послѣднемъ отношеніи я имѣю въ виду, какъ уже сказалъ выше, заняться спеціальными работами по нѣкоторымъ вопросамъ древней и новой философіи и соприкосновенныхъ съ философіей наукъ. Для работъ по древней философіи я полагаю бы необходимымъ познакомиться съ исторіей греческаго языка, съ греческой гражданской и бытовой исторіей и съ греческими древностями. Здѣсь, кромѣ университетскихъ чтеній, я думаю воспользоваться богатыми западными музеями и библіотеками. Въ пособіе къ изученію новой философіи я думаю прослушать нѣкоторые курсы по исторіи и методологіи естественныхъ наукъ и по такъ называемой натурфилософіи. Кромѣ того,—согласно съ тѣмъ, что я говорилъ въ началѣ своего прошенія,—въ интересахъ своего академическаго преподаванія я считалъ бы полезнымъ для себя познакомиться съ исторіей новѣйшаго протестантскаго богословія“.

Опредѣлили: Признавая просьбу исправляющаго должность доцента Академіи Павла Тихомирова заслуживающе уваженія и находя, что отъ заграничной командировки его для учебнаго дѣла въ Академіи не представляется никакихъ неудобствъ,—просить ходатайства Его Высокопреосвященства предъ Святѣйшимъ Синодомъ объ увольненіи исправляющаго должность доцента Тихомирова на будущій 1903—1904 учебный годъ съ научною цѣлью за границу и объ отпускѣ ему, сверхъ получаемаго по службѣ содержанія, пособія на поѣздку въ размѣрѣ, какой благоугодно будетъ опредѣлить Святѣйшему Синоду.

XI. Прошеніе экстраординарнаго профессора Академіи по кафедрѣ новой гражданской исторіи Ивана *Андреева*:

„Имѣя нужду посвятить предстоящіе каникулы занятіямъ въ Парижской Національной библіотекѣ по предмету своей кафедры, покорнѣйше прошу Совѣтъ Академіи исходатайствовать мнѣ пособіе въ размѣрѣ 300 рублей на поѣздку во Францію“.

Опредѣлили: Признавая просьбу экстраординарнаго профессора Академіи Ивана Андреева заслуживающе уваженія,—просить ходатайства Его Высокопреосвященства предъ Святѣйшимъ Синодомъ о назначеніи профессору Андрееву пособія на поѣздку съ научною цѣлью за границу

въ теченіи лѣтнихъ каникулъ текущаго 1903 года въ размѣрѣ *трехсотъ рублей (300 р.)*.

ХII. Прошеніе экстраординарнаго профессора Академіи по кафедрѣ церковной археологіи и литургіи Александра *Голубцова*:

„Честь имѣю просить Совѣтъ Академіи ходатайствовать, предъ кѣмъ слѣдуетъ, о выпискѣ на трехмѣсячный срокъ рукописей изъ библіотекъ: С.-Петербургской Духовной Академіи (Чиновника и вмѣстѣ Требника XIV в., на пергаментѣ, за № 1056, и Служебника XV—XVI в.в., за № 570,—обѣ рукописи Новгородскаго Софійскаго Собора); Кіево-Софійскаго Собора (Чиновника Архіерейскаго, написаннаго „повелѣніемъ Діонисія Балабана“ въ 1650 г., по Каталогу № IV (77) и Московской Типографской (Книги указовъ 1760 года, за № 977, по каталогу архива XVIII в.).“

Опредѣлили: Просить Совѣтъ С.-Петербургской Духовной Академіи, О. Настоятеля Кіево-Софійскаго Кафедральнаго Собора и Г. Управляющаго Московскою Синодальною Типографіею о высылкѣ въ Академію на трехмѣсячный срокъ означенныхъ въ прошеніи профессора Голубцова рукописей.

ХIII. Записки ординарнаго профессора Академіи Сергѣя Глаголева и экстраординарнаго профессора Александра Голубцова о выпискѣ книгъ, которыя они считаютъ нужнымъ приобрѣсти для академической библіотеки.

Опредѣлили: Поручить библіотекарю Академіи Константину Попову выписать для академической библіотеки, по справкѣ съ ея наличностью, означенныя въ запискахъ книги и о послѣдующемъ представить Правленію Академіи.

ХIV. Прошеніе профессорскаго стипендіата Академіи, кандидата богословія, Николая *Пограницкаго-Сергіева*:

„Прошу Совѣтъ Московской Духовной Академіи разрѣшить мнѣ переработать мое кандидатское сочиненіе, написанное на тему: „Крестцовое духовенство“ для соисканія степени магистра богословія, при чемъ дать ему слѣдующее названіе: „Безмѣстное духовенство въ древней Руси“.

Справка: 1) Указъ Святѣйшаго Синода отъ 5 іюня 1895 г. за № 2565.—2) Кандидатское сочиненіе профессорскаго стипендіата Пограницкаго-Сергіева отмѣчено было высшимъ балломъ 5.

Опредѣлили: Ходатайствовать предъ Его Высочайшему

священствомъ о разрѣшеніи профессорскому степендіату Николаю Пограницкому-Сергіеву переработать его кандидатское сочиненіе для соисканія степени магистра богословія, съ указаннымъ въ его прошеніи измѣненіемъ формулировки темы.

XV. Прошеніе студента III курса Академіи Александра *Строева*:

„Въ виду того, что я еще на второмъ курсѣ удовлетворительно выдержалъ экзамень по Патристикѣ, прошу Совѣтъ Академіи освободить меня отъ предстоящаго прочимъ студентамъ третьяго курса экзамена по этому предмету“.

Справка: 1) Курсъ патристики обычно читается въ Академіи студентамъ II курса; студенты же настоящаго III курса слушали этотъ предметъ въ текущемъ учебномъ году, вслѣдствіе командировки экстраординарнаго профессора по кафедрѣ патристики Ивана Попова на минувшей 1901—1902 учебный годъ съ научною цѣлью за границу.—2) Студентъ Александръ Строевъ, по болѣзни оставленный въ III курсѣ на второй годъ, въ бытность студентомъ II курса сдалъ испытаніе по патристикѣ удовлетворительно и получилъ баллъ 5.

Опредѣлили: Освободить студента III курса Александра Строева отъ сдачи въ текущемъ учебномъ году новаго устнаго испытанія по патристикѣ.

XVI. Прошеніе студента I курса Академіи Всеволода *Меньшихова*:

Въ виду моего болѣзненнаго состоянія, требующаго спеціального леченія, покорнѣйше прошу Совѣтъ Академіи разрѣшить мнѣ подачу третьяго семестроваго сочиненія къ 1 августа, а курсовые экзамены отсрочить до 15-го августа сего года“.

Справка: Указомъ Святѣйшаго Синода отъ 16 января 1891 года за № 212 Совѣту Академіи вмѣнено въ обязанность позволять студентамъ перенесеніе устныхъ экзаменовъ на послѣ-каникулярное время только въ самыхъ уважительныхъ случаяхъ и не иначе, какъ съ особаго въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ разрѣшенія Его Высокопреосвященства.

Опредѣлили: Принимая во вниманіе засвидѣтельствованное академическимъ врачомъ дѣйствительно болѣзненное состояніе студента I курса Всеволода Меньшихова, ходатай-

ствовать предъ Его Высокопреосвященствомъ о разрѣшеніи Меньшикову представить третье семестровое сочиненіе (по словесности) и сдать устный испытанія по всѣмъ предметамъ I курса послѣ лѣтнихъ каникулъ въ августѣ мѣсяцѣ сего 1903 года

На семь журналѣ резолюція Его Высокопреосвященства: „1903 г. Мая 1. По ст. XIV. Профессорскому стипендіату Пограницкому разрѣшается переработать его сочиненіе „Крестцовое духовенство“ на соисканіе степени магистра богословія.—По ст. XVI. Студенту Меньшикову разрѣшается представить третье семестровое сочиненіе и сдать устный испытанія послѣ лѣтнихъ каникулъ. Прочее утверждается“.

27 мая 1903 года.

Присутствовали, подъ предсѣдательствомъ Ректора Академіи Арсенія, Епископа Волоколамскаго, Инспекторъ Академіи Архимандритъ Евдокимъ и члены Совѣта Академіи, кромѣ профессоровъ: В. Ключевскаго, А. Введенскаго, А. Спасскаго, И. Андреева и М. Тарѣева.

Слушали: I. Отзвыы о сочиненіи исправляющаго должность доцента Академіи по кафедрѣ исторіи философіи, кандидата богословія, Павла *Тихомирова* подъ заглавіемъ: „Пророкъ Малахія“, 1903 г., представленномъ на соисканіе степени магистра богословія:

а) Экстраординарнаго профессора Академіи по кафедрѣ Священнаго Писанія Ветхаго Завѣта *Василія Мышцына*:

„Если пастыри церкви, объясняя Св. Писаніе, имѣютъ цѣлью главнымъ образомъ вызвать возвышенное настроеніе въ своихъ слушателяхъ или читателей и потому довольствуются напоминаніемъ такъ сказать общихъ мотивовъ священнаго текста, приблизительно точной передачей содержания библіи, приблизительно вѣрнымъ ея переводомъ, то представители науки всю цѣль своего изъясненія полагаютъ въ выясненіи настроенія самого священнаго писателя, по выраженію автора рассматриваемаго нами сочиненія, въ „полномъ пониманіи содержащихся въ книгѣ мыслей, чувствъ и стремленій автора во всѣхъ подробностяхъ и во всѣхъ ихъ малѣйшихъ отгѣнках“. Они не предаются личнымъ благочестивымъ размышленіямъ и душеспасительнымъ урокамъ по поводу рѣчей священнаго автора, но съ мало по-

нятною для непосвященныхъ кропотливостью изучаютъ буквально каждое слово, даже букву, знакъ, боясь упустить малѣйшій случай къ безусловно точному воспроизведенію содержанія священной книги. И если людей невѣрующихъ въ божественное откровеніе къ этому побуждаетъ уваженіе къ ветхозавѣтнымъ писаніямъ, какъ къ слову величайшей древности, то насъ, вѣрующихъ христіанъ, къ тому же располагаетъ благоговѣніе къ нимъ, какъ къ слову Божію. Вотъ почему пусть никто не ищетъ въ ученыхъ комментаріяхъ, стоящихъ на высотѣ своей задачи, назидательнаго и душе-спасительнаго чтенія въ ходячемъ смыслѣ этихъ словъ. Какъ археологъ, открывшій какую-нибудь древнюю вещь, съ помощью химическихъ составовъ и инструментовъ старается, очистивъ ее отъ наслоеній времени, представить ее въ томъ видѣ, какой она имѣла при своемъ появленіи на свѣтъ, такъ ученый экзегетъ во всеоружіи филологіи и исторіи со всею тщательностью провѣряетъ и, гдѣ необходимо, очищаетъ отъ искаженій сохранявшійся при обычныхъ естественныхъ условіяхъ священный текстъ и на основаніи его старается воскресить то, что переживалъ священный авторъ тысячи лѣтъ назадъ.

Разсматриваемый нами почтенный трудъ проф. П. Тихомирова принадлежитъ вполне къ числу такихъ именно научныхъ комментаріевъ. Выясняя задачу своего изслѣдованія, онъ самъ говоритъ: „мы старались по возможности полно и точно знакомясь съ отдѣльными *понятіями* и *словами*, составляющими идейный и литературный обиходъ священнаго автора, а также и съ его *стилистическими* приѣмами,—проанализировать каждую фразу со стороны ея *грамматическаго* смысла, *логическаго* построенія и отношенія къ предыдущему и послѣдующему, со стороны затрогиваемыхъ ею реальныхъ условій тогдашней жизни и наконецъ со стороны ея *этическаго* акцента, или тѣхъ *намѣреній*, какія преслѣдовалъ авторъ въ отношеніи своихъ слушателей и читателей, и того настроенія, какое имѣлъ въ виду вызвать въ нихъ“ (стр. III—IV). Въ этихъ цѣляхъ онъ предпринимаетъ спеціальныя изслѣдованія и справки по критикѣ текста, грамматикѣ еврейскаго языка, библейской археологіи, исторіи евреевъ политической и бытовой, исторіи ихъ нравственныхъ, религіозныхъ и юридическихъ понятій и т. д.

Какъ водится, комментарий авторъ предпосылаетъ исagogическія свѣдѣнія объ имени и личности пророка Малахіи (гл. 1), объ эпохѣ пророка (гл. 2) и о книгѣ его (гл. 3). Разобравъ существующія мнѣнія объ имени Малахіи, авторъ приходитъ къ выводу, что имя Малахіи есть не нарицательное, тождественное съ III, 1, а собственное имя пророка, принадлежавшее ему отъ рожденія. Чтобы точнѣе опредѣлить время дѣятельности пророка, авторъ, не довольствуясь установкою приблизительныхъ terminі a quo и ad quem, сопоставляетъ пророческую книгу съ книгами Ездры и Нееміи, а проповѣдь пророка съ состояніемъ іудейства въ эпоху этихъ двухъ дѣятелей. Это сопоставленіе, какъ и разборъ существующихъ по этому вопросу мнѣній, приводитъ автора къ заключенію, что дѣятельность пр. Малахіи падаетъ на время предъ прибытіемъ въ Палестину Ездры, т. е. до 458 г. Переходя къ общей характеристикѣ книги пророка, авторъ излагаетъ ея содержаніе, намѣчаетъ въ ней болѣе или менѣе самостоятельные отдѣлы и, въ виду отсутствія въ книгѣ ясно выраженаго плана, въ виду рѣзкости переходовъ отъ одной части къ другой, устанавливаетъ взглядъ на книгу, какъ на сокращенную запись рѣчей пророка. Отвѣчая на интересный вопросъ, на какомъ языкѣ, еврейскомъ или арамейскомъ, произносили свои рѣчи пр. Малахіа, авторъ высказывается за первый на томъ основаніи, что палестинско-арамейское нарѣчіе, на которомъ написаны арамейскіе отдѣлы библіи, въ отличіе отъ восточно-арамейскаго, обязано вліянію палестинскихъ арамеевъ и потому въ связи съ вавилонскимъ плѣномъ не стоитъ. Представляя затѣмъ литературную характеристику книги Малахіи, авторъ отмѣчаетъ приемы изложенія у пророка и уясняетъ его міровоззрѣніе. Подъ послѣднимъ онъ разумѣетъ „кругъ идей“, чаяній и стремлений пророка, отличающихъ его отъ другихъ пророковъ и характеризующихъ ту именно историческую эпоху, сыномъ которой онъ былъ (стр. 112 прим.). Говоря о міровоззрѣніи пророка, авторъ отнюдь не признаетъ догматической своеобразности въ его представленіяхъ, а разумѣетъ то, что въ силу потребностей времени и личныхъ свойствъ пророка изъ всего содержанія ветхозавѣтнаго откровенія, многообразнѣе возвѣщеннаго, ярче выступало сравнительно съ прочимъ. Въ этой части авторъ даетъ цѣнный матеріалъ

для иллюстраціи православнаго ученія о боговдохновенности Свящ. Писанія, въ отличіе отъ теоріи вербальной боговдохновенности, вслѣдъ за большинствомъ святыхъ отцевъ признающаго (ученія) въ актѣ вдохновенія на ряду съ воздѣйствіемъ Божественнаго Духа и обнаруженіе человѣческой самодѣятельности. Исагогическій отдѣлъ изслѣдованія заканчивается обоснованіемъ единства, неповрежденности и каноническаго достоинства книги пр. Малахія.

Передать содержаніе комментарія въ отзывѣ немислимо. Мы укажемъ лишь общій ходъ экзегетической работы автора и отмѣтимъ ея особенности. Первый совершенно справедливо характеризуетъ самъ авторъ въ своемъ предисловіи. На основаніи внѣшнихъ и внутреннихъ признаковъ авторъ прежде всего изслѣдуетъ неповрежденность текста. Тамъ, гдѣ внѣшнія или внутреннія основанія вынуждаютъ автора признать порчу мазоретскаго текста, онъ реставрируетъ его на основаніи авторитетныхъ древнихъ переводовъ: LXX, сирскаго, таргума и вульгаты. Установивъ текстъ, авторъ даетъ подробный филологическій анализъ подлинника и точный русскій переводъ. И лишь затѣмъ онъ переходитъ къ раскрытію логическаго и историческаго смысла текста. Нѣтъ сомнѣнія, что это единственно возможный методъ научнаго экзегеса.

Примѣненіе этого метода къ дѣлу отмѣчается въ изслѣдованіи автора высокими научными достоинствами.

1) Первое и главное свойство комментарія, да и всего труда автора, это—замѣчательная объективность сужденій. Все изслѣдованіе производитъ такое впечатлѣніе, какъ будто авторъ далъ себѣ слово вполне отрѣшиться не только отъ вліянія ученыхъ авторитетовъ, но что особенно рѣдко бываетъ, отъ бессознательныхъ вліяній своихъ вкусовъ, убѣжденій, теорій, могущихъ склонять его въ извѣстную сторону ранѣе безпристрастнаго изученія предмета. Онъ исключительно совѣтуется съ своимъ разсудкомъ, съ логикой, съ фактами. Ему надо много основаній, чтобы вызвать его увѣренность; тамъ же, гдѣ ихъ недостаточно, онъ всегда ограничивается предположеніями, тщательно отмѣчая степень ихъ вѣроятности. Иногда по тѣмъ же причинамъ онъ почти отказывается высказать свое мнѣніе. Это одинаково какъ въ критикѣ текста, такъ и въ изъясненіи его. Объективность,

безпристрастіе и осторожность автора производять иногда впечатлѣніе ученой холодности и равнодушія къ выводамъ. Онъ не воспламеняетъ читателя, не дѣйствуетъ на его настроеніе извѣстными въ этомъ смыслѣ средствами; но за то читатель получаетъ интеллектуальное удовольствіе, видя, какъ факты точно сами собой даютъ выводъ. Излишне говорить, что для ученой работы эта объективность и безпристрастіе—драгоценное свойство.

Авторъ одинаково объективенъ и тамъ, гдѣ приходится ему высказываться по богословскимъ вопросамъ. Вездѣ и во всемъ онъ старается изслѣдовать истину, а не спѣшить исповѣдывать свою вѣру, въ твердой увѣренности, что правильное изслѣдованіе истины всегда приведетъ къ ней же. Въ толкованіи III, 1 авторъ говоритъ: „что въ словахъ Малахіи мы должны видѣть пророчество объ Іоаннѣ Крестителѣ на основаніи многихъ мѣстъ Новаго Завѣта, это для всякаго христіанина, особенно православнаго, остающагося и обязаннаго оставаться въ толкованіи Божественнаго откровенія на почвѣ церковнаго преданія, должно считаться имѣющимъ безусловную силу убѣдительности“ (стр. 423—4). Но исходя изъ мысли, что научная истина должна обладать убѣдительностью для всѣхъ людей, независимо отъ ихъ вѣроисповѣданія, напр. евреевъ, авторъ считаетъ необходимымъ, чтобы отстоять свое воззрѣніе отъ упрека въ субъективности, вступить на ихъ почву въ полной увѣренности, что истина отъ этого не пострадаетъ. Поэтому онъ ставитъ вопросъ: если для насъ теперь ясно, что подъ вѣстникомъ Іеговы разумѣется Предтеча, то какъ должны были понять слова пророка его тогдашніе слушатели и читатели, не выходя изъ рамокъ ветхозавѣтныхъ представлений? Черезъ анализъ текста и разборъ ученыхъ мнѣній авторъ приходитъ къ выводу, что и независимо отъ евангельскаго объясненія даннаго текста вѣстникъ Іеговы у пророка всего естественнѣе есть не собирательное понятіе, а означаетъ опредѣленную личность въ духѣ и силѣ Іліи.

Благодаря объективности и безпристрастію автора, его книга независимо отъ его намѣреній можетъ имѣть не малое апологетическое значеніе. Къ ея автору читатель не можетъ не чувствовать довѣрія.

2) Другое свойство труда автора—тщательность и деталь-

ность разработки предмета. Авторъ съ возможною подробностью устанавливаетъ значеніе слова чрезъ сравненіе съ параллельными мѣстами, уясняетъ грамматическій строй его, анализируетъ его древніе и новыя переводы, разбираетъ существовавшія и существующія мнѣнія ученыхъ о значеніи выраженія. Въ этой детальности сказался бывший профессоръ еврейскаго языка и библейской археологіи. Едва ли можно лучше использовать бывшую въ рукахъ автора литературу. А она весьма значительна. У него подъ руками были всѣ лучшія изданія подлиннаго и переводныхъ текстовъ, лучшія критическія пособія, всѣ важнѣйшіе первоисточники, необходимые для исагогической части его книги. Относительно же пособій въ собственномъ смыслѣ самъ авторъ говоритъ: „никакого лишенія отъ сравнительной неполноты пособій (они считаются сотнями) мы не испытывали. Скорѣе даже напротивъ,—и изъ того, что было у насъ, многое могло бы съ чистымъ выигрышемъ во времени быть нами игнорировано. Мы, не колеблясь, готовы утверждать, что всѣ лучшія пособія,—разумѣя подъ таковыми новѣйшія,—у насъ были, и не думаемъ, чтобы какое либо изъ не бывшихъ могло прибавить намъ что-нибудь существенно цѣнное или заставить насъ въ чемъ либо измѣнить свой взглядъ“ (стр. XI). Насколько мы лично знакомы съ дѣломъ, мы вполне присоединяемся къ заявленію автора.

Богатство филологическаго и критическаго матеріала у автора такъ велико, что самъ онъ ожидаетъ упрека въ излишествѣ (стр. VII). Но одинаково съ нимъ мы думаемъ, что вреда отъ слишкомъ большой подробности и даже элементарности нѣкоторыхъ справокъ быть не можетъ. Если чему и наноситъ она ущербъ, такъ это исключительно карману автора (книга его заключаетъ въ себѣ болѣе 36 печатныхъ листовъ весьма убористой печати). Благодаря же замѣчательной способности автора ориентироваться и пролагать себѣ прочный путь среди массы разнообразнаго и запутаннаго матеріала, взвѣшивать силу аргументовъ, благодаря далѣе здравости сужденій автора, точности его формулировки, ясности языка, и черновая, подготовительная работа его имѣетъ и положительный и методологическій интересъ, вводя читателя въ самую ученую лабораторію автора.

Наше личное впечатлѣніе отъ нея таково, что авторъ взялъ на себя задачу, уступающую его умственнымъ силамъ.

Вообще по своимъ достоинствамъ сочиненіе проф. Тихомирова должно занять одно изъ самыхъ первыхъ мѣстъ въ нашей экзегетической литературѣ по Вѣтхому Завѣту. У насъ не является ни малѣйшихъ сомнѣній въ признаніи автора заслуживающимъ за свое изслѣдованіе степени магистра богословія“.

б) Исправляющаго должность доцента Академіи по кафедрѣ еврейскаго языка и библейской археологіи Евгенія *Воронцова*:

„Разсмотрѣнное нами сочиненіе представляетъ всестороннее изслѣдованіе о книгѣ пророка Малахіи. Г. Тихомировъ дѣлитъ свой трудъ на 2 части: исагогическую (стр. 1—136) и истолковательную (стр. 137 и до конца). Въ первой изъ названныхъ частей авторъ сообразно намѣченной имъ во вступленіи схемѣ частнаго исагогическаго изслѣдованія группируетъ весь многосложный изученный имъ матеріалъ въ 3 главы, причемъ даетъ посильный (разумѣется, насколько позволяютъ данныя, имѣющіяся въ распоряженіи современнаго экзегета) отвѣтъ на вопросъ 1) о личности Богодухновеннаго писателя книги, 2) объ эпохѣ его пророческой дѣятельности и 3) объ особенностяхъ составленной имъ книги, какъ литературнаго и библейскаго памятника. Обиліе частныхъ мнѣній по указаннымъ пунктамъ побуждаетъ г. Тихомирова не ограничиваться изложеніемъ самостоятельно добытыхъ выводовъ, но и критически обозрѣвать совокупную литературу, касающуюся его предмета изслѣдованія. Къ несомнѣннымъ достоинствамъ этой меньшей части всего обширнаго изслѣдованія нужно отнести съ внѣшней стороны дробность самаго изложенія, дающую возможность обозрѣвать каждый пунктъ изслѣдованія, какъ литературное цѣлое, а съ внутренней научную объективность выводовъ автора и его обширную начитанность въ западной экзегетической литературѣ, преимущественно нѣмецкой, что является дѣломъ не легкимъ, при колоссальномъ ростѣ нѣмецкой бібліологіи. Сущность выводовъ автора можно резюмировать такъ: 1) пророкъ Малахія—историческое лицо этого имени, предварившее своею дѣятельностью мѣропріятія Ездры, 2) запись дѣйствительныхъ рѣчей, сдѣланная самимъ пророкомъ, дала

существованіе книгѣ, извѣстной съ его именемъ, 3) къ литературнымъ особенностямъ книги Малахіи можно отнести діалогическое изложеніе, отражающее дѣйствительные диспуты пророка съ народомъ, равно какъ индивидуальную черту пророческихъ писаній Малахіи можно отмѣтить наклонность пророка черпать доказательства своихъ мыслей въ исторіи народа Божія, 4) что касается самаго вида масоретскаго текста книги пророка, то его можно считать удовлетворительнымъ, благодаря отсутствію существенныхъ разногласій между нимъ и древними переводами, предваряющими извѣстный намъ древній пунктированный текстъ книги (Codex Babyloniens Petropolitanus) на много столѣтій, ибо евреи, какъ извѣстно, уничтожаютъ старыя манускрипты Библии (Гениза).

Въ истолковательной части своей книги г. Тихомировъ обзрѣваетъ еврейскій масоретскій текстъ изъ стиха въ стихъ, причемъ даетъ и русскій переводъ сообразно устанавливаемому имъ въ комментаріи вербальному значенію текста. Въ виду значенія перевода LXX для критики еврейскаго масоретскаго текста этотъ переводъ помѣщается наряду съ еврейскимъ подлинникомъ. Какихъ-либо возраженій противъ экзегетическихъ сужденій автора, достойныхъ нарочитаго приведенія въ отзывѣ, мы не встрѣчаемъ, разномысліе же въ мелочныхъ пунктахъ скорѣе можетъ быть предметомъ выясненія на диспутъ; вообще же нужно замѣтить, что въ рѣдкихъ случаяхъ, гдѣ работа имѣетъ нѣсколько компилятивный характеръ, при выборѣ мнѣній изъ западной экзегетики авторъ поступаетъ крайне осмотрительно по вѣскимъ научно-объективнымъ даннымъ. Но при всѣхъ крупныхъ достоинствахъ, дѣлающихъ трудъ г. Тихомирова выдающимся въ нашей русской экзегетикѣ благодаря его глубокимъ познаніямъ въ еврейскомъ языкѣ, нельзя не отмѣтить и нѣкоторыхъ отрицательныхъ сторонъ въ его изслѣдованіи. Коснуться этихъ вопросовъ можно уже потому, что возможность ихъ сознаетъ и самъ авторъ въ своемъ „предисловіи“. Стремясь къ полнотѣ изслѣдованія, авторъ вноситъ въ свое изслѣдованіе, въ самый текстъ комментарія многое, чему было бы мѣсто подъ строкою, таковы справки о словоупотребленіи въ Библии, часто разрастающіяся въ страницы комментарія—напримѣръ о словѣ מִצְדָּה, равно оби-

ліе приведенія разныхъ западныхъ переводовъ, чуждыхъ авторитетнаго значенія для русскаго изслѣдователя. Болѣе краткій комментарий, дающій квинтъэссенцію сложной экзегетической работы, отсылающій читателя за справкою подъ строку, могъ бы, думается, облегчить для изучающаго текстъ книги пророка по изслѣдованію г. Тихомирова усвоеніе всего особеннаго, индивидуальнаго въ книгѣ. Разумѣется, замѣченный недостатокъ вовсе несущественъ по отношенію къ достоинству внутренняго содержанія комментарія г. Тихомирова, и мы отмѣчаемъ его только потому, что онъ ведетъ свою работу *lege artis* во всѣхъ другихъ отношеніяхъ. Мы допускаемъ, что приведеніе въ подлинникѣ, а не въ голой цитациі мѣсть Библии, каковыя по подручности этого пособия легко розыскать во всякое время и всюду, было обусловлено стремленіемъ избавить читателя отъ какихъ-бы то ни было справокъ, представивъ весь изученный матеріалъ въ цѣлостности на страницахъ изслѣдованія. Обмолвимся нѣсколькими словами и по поводу детальнѣхъ грамматическихъ справокъ автора, не смотря на данное имъ объясненіе умѣстности ихъ появленія: конечно, солидный научно-филологическій методъ изслѣдованія книги Малахиі требовалъ экскурсовъ въ область синтаксиса и даже этимологии, но здѣсь пріемъ изслѣдованія доведенъ до элементарности, напримѣръ QNS есть *st. const.* страдат. причастія отъ QNS по виду каль (стр. 167) или QNS есть форма 1 лица ед. чис. *imperfect.* каль отъ QWS или QW (стр. 171),—такихъ примѣровъ множество; появленіе этихъ элементовъ грамматики въ ученомъ изслѣдованіи авторъ объясняетъ изъ существованія на западѣ „препараціи“ къ книгамъ В. З., но тамъ, думается, это прямо продуктъ школьнаго книгоиздательства, вести же школьную работу по разсѣяннѣмъ случайнѣмъ грамматическимъ замѣчаніямъ едва-ли удобно въ классѣ, тѣмъ болѣе это трудно для автодидаскаловъ. Впрочемъ въ подобныхъ вопросахъ всегда *sub judice lis est*. Въ заключеніе скажемъ объ отношеніи автора къ т. н. *cruces interpretationis*. На экзегесисѣ возможно установить двоякую точку зрѣнія: или считать его искусствомъ или строго-научнымъ продуктомъ, въ послѣднемъ случаѣ однимъ изъ видовъ филологіи; если при общемъ изслѣдованіи грамматическія данныя могутъ содѣйствовать рѣшенію экзегетическихъ вопро-

совъ, то въ *сenses* для экзегета нерѣдко является потребность къ творчеству, въ сочиненіи г. Тихомирова всѣ *senses* разрѣшены удовлетворительно, хотя иногда авторъ и самъ заявляетъ о своей колебательности по отношенію въ особенности трудныхъ вопросовъ; такіе случаи, сами по себѣ малочисленные, вполне объяснимы порчею еврейскаго текста.

Заканчивая свой отзывъ о работѣ г. Тихомирова, отмѣтимъ, какъ ея выдающуюся черту, интересъ автора къ еврейскому масоретскому тексту и довѣріе къ *textus receptus* еврейской Библии, что избавляетъ его отъ бесплодныхъ попытокъ реконструкціи текста, дѣлаемой столь часто западными экзегетами и отличающейся крайнимъ субъективизмомъ. Полагаемъ, что обширный трудъ г. Тихомирова, свидѣтельствующій объ его интересѣ къ предмету изслѣдованія, представляется не зауряднымъ явленіемъ въ русской библіологіи и по детальной разработкѣ труднаго предмета изслѣдованія вполне заслуживаетъ присужденіе его автору ученой степени магистра богословія“.

Справка: 1) По § 29 Положенія объ испытаніяхъ на ученые степени: „Если диссертация будетъ признана удовлетворительною, то Совѣтъ допускаетъ кандидата къ публичному ея защищенію“.—2) По § 32 того же Положенія: „Ищущіе степени магистра богословія обязаны представить ректору академіи по крайней мѣрѣ за двѣ недѣли до защищенія 50 (нынѣ 60) экземпляровъ напечатанной диссертации“, что исправляющимъ должность доцента Павломъ Тихомировымъ и исполнено.

Опредѣлили: 1) Допустить исправляющаго должность доцента Академіи по кафедрѣ исторіи философіи Павла Тихомирова къ защищенію его диссертации на степень магистра богословія.—2) Оффиціальными оппонентами при защитѣ диссертации назначить экстраординарнаго профессора Василія Мышцына и исправляющаго должность доцента Академіи Евгенія Воронцова.—3) Предоставить Преосвященному Ректору войти въ соглашеніе съ магистрантомъ относительно дня коллоквиума и пригласить къ участию въ немъ постороннихъ лицъ.—4) Постановленія сіи представить на Архиерейское благоусмотрѣніе и утвержденіе Его Высокопреосвященства.

II. Отзывы о сочиненіи исправляющаго должность доцента

Академіи по кафедрѣ библейской исторіи, кандидата богословія, *іеромонаха Іосифа* (Петровыхъ) подъ заглавіемъ: „Исторія Іудейскаго народа по Археологіи Іосифа Флавія (Опытъ критическаго разбора и обработки)“. 1903 г., представленномъ на соисканіе степени магистра богословія:

а) Ректора Академіи *Арсенія, Епископа Волоколамскаго*:

„Предметомъ даннаго изслѣдованія служитъ критическое разсмотрѣніе одного изъ главныхъ сочиненій Іосифа Флавія „Древности Іудейскія“—*Ioudaika archaiologia*.—Цѣль написанія этого сочиненія, какъ говоритъ Флавій въ предисловіи, состоитъ въ томъ, чтобы показать, „кто такіе по своему происхожденію іудеи, какимъ превратностямъ судьбы они подвергались, какой законодатель воспиталъ въ нихъ стремленіе къ благочестію и побуждалъ ихъ развивать въ себѣ добродѣтель, какія войны вели они въ продолжительный періодъ времени своего существованія, и какъ они, противъ своего собственнаго желанія, впутались въ послѣднюю войну съ римлянами“. Характеръ этого сочиненія, какъ и другихъ,—апологетическій. Іосифъ Флавій имѣетъ въ виду защитить іудеевъ отъ тѣхъ насмѣшекъ и глумленій надъ самымъ священнымъ для нихъ, надъ ихъ Богомъ и вѣрою, которыя издавна поддерживались и распространялись римскими писателями, а при жизни его достигли своего апогея. Борясь за свою политическую самостоятельность съ всеильнымъ въ то время могуществомъ Римлянъ, іудеи имѣли несчастіе видѣть поруганіе своей вѣры, которая во всѣ періоды ихъ исторической жизни была ихъ душою. Флавій въ своемъ сочиненіи и хочетъ показать историческое право іудейскаго народа на его національное существованіе въ связи съ религіею его, имѣющею авторитетъ священной древности, тѣмъ болѣе, что переводъ LXX, по его мнѣнію, не все сообщаетъ объ іудеяхъ, а о послѣднихъ событіяхъ, конечно, ничего тамъ не говорится. Оно состоитъ изъ предисловія и 20 книгъ. До 7-й гл. XI-й книги повѣствованіе Іосифа идетъ параллельно повѣствованію Библии; а далѣе Флавій передаетъ событія, о которыхъ въ Библии нѣтъ упоминаній. Онъ продолжаетъ прервавшійся на царствованіи Кира библейскій рассказъ и самъ является почти единственнымъ для насъ историческимъ источникомъ, пользуясь въ свою очередь разными языческими сочиненіями, относящи-

мися къ послѣднѣйшему періоду. Но насколько чистъ этотъ источникъ, насколько достовѣрны свѣдѣнія, заключающіяся въ немъ, каково его отношеніе къ самому главному источнику библейской науки—Библии? Отвѣты на эти вопросы съ давнихъ временъ различны, даже до противоположности, особенно у писателей древнихъ и позднѣйшихъ. И тогда какъ въ древности замѣтно было слишкомъ большое увлеченіе Флавіемъ, авторитетъ котораго ставился наравнѣ даже съ св. отцами, въ новое время, напротивъ, авторитетъ его совершенно умаленъ. Такъ, въ первое время христіанства апологеты и учителя Церкви, какъ напр. Іустинъ мученикъ, Климентъ Александрійскій и др. съ похвалою отзываются объ І. Флавіѣ, ссылаясь на него, какъ на признанный авторитетъ и между христіанами, и между язычниками. Блаженный Іеронимъ въ „Каталогѣ церковныхъ писателей“ помѣстилъ І. Флавія между евангелистомъ Іоанномъ и Климентомъ Римскимъ. Такое значеніе І. Флавія въ первое время христіанства объясняется апологетическими цѣлями, для которыхъ были нѣкоторые данныя въ сочиненіяхъ его. Кромѣ того, „Древности“ Флавія, написанныя языкомъ изящнымъ и послѣдовательно передающія библейскія событія, являлись первымъ опытомъ библейской исторіи и археологіи и могли служить интересною для чтенія книгою. Такое значеніе за сочиненіями Флавія сохранялось почти до XVII в., когда среди западныхъ ученыхъ, археологовъ и историковъ начинается критическое отношеніе къ повѣствованіямъ Флавія, особенно изъ древней іудейской исторіи. Оно подкрѣплялось низкимъ взглядомъ на нравственную личность Флавія и на тѣ безнравственные мотивы, которые побуждали его выступать съ своими сочиненіями. Національное тщеславіе, равно какъ и забота о собственномъ положеніи, говорятъ, необходимо должны были склонять его къ тому, чтобы прикрашивать отдѣльные факты, которые могли бы доставить честь его народу и славу его позднѣйшимъ покровителямъ. Словомъ, съ этого времени начинается усиленное занятіе сочиненіями Іосифа Флавія, съ результатами, въ общемъ, неблагоприятными для его личности и историческихъ повѣствованій. Для сужденія объ интересѣ къ сочиненіямъ І. Флавія, достаточно сказать, что до 1849 года (по даннымъ *Bibl. judaica Furst'a*, p. 118—132, приведеннымъ у Генкеля) было въ разное

время издано 102 перевода (изъ нихъ 35 на латинскій языкъ 16 на нѣмецкій; 9 на французскій; 15 на итальянскій; 11 на англійскій; по 5 на голландскій и испанскій яз.; 2 на португальскій, и по 1—на чешскій, русскій, шведскій и датскій языки). Кромѣ того за то же время библиографія отмѣчаетъ 93 сочиненія, посвященныя объясненію трудовъ Флавія. Изъ нихъ 60 написаны на латинскомъ языкѣ. А въ послѣднее 50-ти лѣтіе явилось еще весьма много сочиненій, на европейскихъ языкахъ, преимущественно—нѣмецкомъ, о Флавіи.

На русскомъ языкѣ отдѣльнаго изслѣдованія о Флавіи до сихъ поръ нѣтъ. Въ этомъ заключается несомнѣнно вполне достаточное *оправданіе* для появленія настоящаго изслѣдованія, идущаго на встрѣчу насущной нуждѣ отечественной литературы въ области библейской науки. Задачу своего изслѣдованія о. Іосифъ поставляетъ въ критическомъ и, по возможности, полномъ обслѣдованіи іудейско-историческаго матеріала Археологій Іосифа, съ цѣлью сдѣлать этотъ матеріалъ пригоднымъ для примѣненія къ библейско-исторической наукѣ.

Путь къ осуществленію этой задачи состоитъ въ томъ, что о. Іосифъ „слѣдуетъ за Іосифомъ Флавіемъ по пятамъ и провѣряетъ каждую его оригинальность въ сравненіи съ Библіею“.

Сообразно съ этимъ о. Іосифъ расположилъ свою работу по слѣдующему плану. Предваряется она обширнымъ введеніемъ, въ которомъ даются общія свѣдѣнія объ Іосифѣ и его литературной дѣятельности. Затѣмъ слѣдуютъ три части, подраздѣленныя на главы. Содержаніе 1-й части: Археологія и Пятокнижіе; Археологія и историческія книги, Археологія объ эпохѣ плѣненія. 2-я ч.: Археологія о Библейскомъ пробѣлѣ отъ Нееміи до Александра Великаго; Археологія объ эпохѣ Маккавеевъ; отъ Библии до Евангелія. 3 ч.: Археологія и Евангеліе; Археологія о послѣ-евангельскихъ событіяхъ и—конецъ исторіи народа Божія.

Путь, предпринятый о. Іосифомъ къ осуществленію его задачи, слишкомъ сложный и трудный. Прослѣдовать по пятамъ за Іосифомъ Флавіемъ на протяженіи двухъ томовъ убористой печати въ тысячу слишкомъ страницъ является большимъ подвигомъ, соединеннымъ съ извѣстною степенью мужества и смѣлости. Въ томъ и другомъ нельзя отказать

о. Иосифу и онъ въ концѣ концовъ достигъ своей цѣли, давъ намъ громаднѣйшій трудъ, посвященный критическому разсмотрѣнію одного изъ главныхъ сочиненій Иосифа Флавія.

Нѣтъ сомнѣнія, что въ изслѣдованіи о. Иосифа, представляющемъ собою первый опытъ критическаго отношенія къ воззрѣніямъ Флавія, какъ они выразились въ цѣльномъ сочиненіи его, много недочетовъ, объясняющихся, впрочемъ, принятымъ имъ методомъ изслѣдованія, а равно—и общею точкою зрѣнія его на Флавія.

Мы не намѣрены въ своей рецензіи „слѣдовать по пятамъ“ за о. Иосифомъ, а выскажемъ общій взглядъ на недостатки его изслѣдованія. О. Иосифъ принадлежитъ къ числу тѣхъ изслѣдователей Флавія, которые въ общемъ отрицаютъ научное значеніе его трудовъ, объясняя происхожденіе ихъ „мелочнымъ тщеславіемъ и специфически - характерными приѣмами плутовато-изворотливаго „жидка“ (27 стр.), „шкурными расчетами“ его (16 стр.). Въ данномъ сочиненіи о. Иосифъ видитъ недостатки троякаго рода, обусловливаемые характеромъ и общественнымъ положеніемъ І. Флавія: а) тенденціозность, б) некритичность и в) непрагматичность.

а) Тенденціозность его состоитъ въ желаніи возвысить свой народъ въ глазахъ греко-римскаго образованнаго міра, показывая для этого преимущественное достоинство іудейскаго народа въ его исторіи, какъ зеркалъ души всякаго народа. Поэтому онъ даетъ намъ фальсификацію идеальной исторіи. Выражается она въ своеобразномъ отношеніи къ различнымъ ветхозавѣтнымъ чудеснымъ происшествіямъ и знаменіямъ, которыя такъ или иначе могли дискредитировать іудейство въ глазахъ Римлянъ; въ замалчиваніи нѣкоторыхъ изъ чудесъ; въ устраненіи нѣкоторыхъ чудесъ, чтобы не показаться смѣшнымъ и невѣроятнымъ въ глазахъ свѣта и просвѣщенныхъ читателей,— что объясняется также несомнѣнно присущимъ Иосифу духомъ рационализма.

б) Некритичность Иосифа Флавія состоитъ въ крайней небрежности и неспособности его отнестись здраво-критически къ матеріаламъ для своего труда,—что дѣлаетъ весь его трудъ недостаточно удовлетворяющимъ научнымъ требованіямъ.

в) Непрагматичность Иосифа Флавія выражается не только въ неспособности быть критическимъ историкомъ, умѣющимъ разобраться въ своихъ матеріалахъ, но и въ неспособ-

ности быть просто историкомъ, разбирающимся въ фактахъ и умѣющимъ группировать ихъ по законамъ историческаго повѣствованія въ послѣдовательности, въ строго-логической связи и зависимости.

Указанные недостатки изслѣдованія Флавія иллюстрируются о. Іосифомъ соотвѣтственными данными, взятыми отсюда. Но эти данныя, подъ вліяніемъ общаго воззрѣнія на Флавія, иногда или объясняются односторонне, или требуется отъ него то, чего онъ не могъ дать, но что долженъ былъ дать, съ точки зрѣнія о. Іосифа. Нѣтъ сомнѣнія, что нужна критика по отношенію къ повѣствованіямъ Флавія. Но нѣтъ и основанія слишкомъ унижать его, что, по словамъ проф. Муретова, дѣлаютъ писатели, „смѣло и быстро на каждой строкѣ умѣющіе усматривать противорѣчіе Іосифа самому себѣ, Библии и древне-іудейскому преданію“ (Критика и критиканство, стр. 26). Въ самомъ дѣлѣ, можно-ли ставить Іосифу Флавію въ сознательную вину нѣкоторыя ошибки, происходящія отъ недостаточнаго научнаго знанія еврейскаго языка, какъ напр. въ объясненіи названій райскихъ рѣкъ, сыновей Іосифа, въ неправильной передачѣ нѣкоторыхъ собственныхъ еврейскихъ именъ по гречески и т. д. Основательнаго и твердаго филологическаго знанія своего древняго отечественнаго языка у него нѣтъ, или по крайней мѣрѣ оно не высказывается нигдѣ. Притомъ же, пользуясь текстомъ свящ. книгъ, Флавій не задавался цѣлью критической провѣрки священнаго текста. Поэтому нѣкоторыя погрѣшности его, напр. относительно принесенія Авелемъ въ жертву молока, или относительно обратнаго возвращенія ворона, выпущеннаго изъ ковчега, нужно относить къ ненамѣреннымъ погрѣшностямъ Флавія противъ библейскаго текста, свидѣтельствующаго, что Авель принесъ жертву изъ первородныхъ стада и тука ихъ, и что воронъ не возвратился въ ковчегъ совсѣмъ. Между тѣмъ о. Іосифъ называетъ Флавія „небрежнѣйшимъ, невѣжественнѣйшимъ и неблагосамѣреннѣйшимъ“ изъ экзегетовъ Слова Божія (стр. 71). Можно-ли обвинять его въ неточномъ обозначеніи географическаго положенія нѣкоторыхъ египетскихъ городовъ временъ жизни евреевъ въ Египтѣ, когда и теперь, послѣ тщательнаго изслѣдованія новѣйшихъ египтологовъ, свѣдѣнія объ этомъ не выходятъ изъ области предположеній. Можно-

ли ставить ему въ сознательную вину непрагматичность его, когда и самъ о. Иосифъ говоритъ: „нельзя не сознаться, что и нынѣ еще, послѣ столькихъ вѣковъ, едва поставляется главной задачей историка подобное обсужденіе, нерѣдко оставаясь при однихъ попыткахъ такой идеальной исторіи; тѣмъ болѣе это требованіе предъявлять къ Иосифу было бы большою несправедливостью“ (36 стр.). Непрагматичность Флавія совершенно вѣрно зависитъ отъ того, что онъ игнорируетъ идею Мессіи, каковая идея составляетъ душу всего Ветхаго Завѣта. Конечно, такое игнорированіе этой идеи составляетъ существенный недостатокъ изслѣдованія Флавія. О. Иосифъ объясняетъ это опущеніе апологетически - тенденціозными цѣлями труда Флавія, чтобы не повредить Іудеямъ во мнѣніи Римлянъ и не показать народъ имѣющимъ какія бы то ни было политическія надежды помимо Рима. Но это — одна сторона объясненія. Другое объясненіе находятъ въ томъ, что для него важна была лишь историческая сторона дѣла. Чуждый стремленія всюду видѣть аллегорію, онъ болѣе стоитъ на исторической почвѣ и старается видѣть въ писаніяхъ смыслъ буквально-историческій. Отсюда игнорированіе прообразовательной стороны Ветхаго Завѣта. Отсюда и стремленіе буквально и естественно объяснять тѣ сверхъестественныя событія и чудеса, которыя для насъ, стоящихъ на почвѣ христіанскаго сознанія, являются прообразами новозавѣтныхъ событій. Говоря, напр., по поводу естественнаго объясненія Флавіемъ измѣненія Моисеемъ горькой воды въ сладкую въ Меррѣ черезъ бросаніе въ воду валявшагося у его ногъ куска дерева, расколотаго на двое, и затѣмъ черезъ вычерпываніе горькой воды, которая, будучи симъ приведена въ движеніе, дала свѣжую, пріятную струю, о. Иосифъ замѣчаетъ: „въ то время, какъ это измѣненіе должно быть всецѣло усвоено Божественной силѣ, благоволившей дать этому древу прообразовательное значеніе по отношенію къ древу крестному, Иосифъ совершенно безъ нужды пользуется упоминаніемъ вещественнаго посредства, которое безъ всякаго ущерба дѣлу въ его изображеніи можетъ быть выкинуто“ (115 стр.). Но Флавій относительно древа тутъ не погрѣшилъ противъ Библии („Господь показалъ ему дерево, и онъ бросилъ его въ воду“. Исх. 15, 25); а что онъ не далъ ему прообразовательнаго значенія, то это понятно и есте-

ственно съ точки зрѣнія Іудея, и обвинять его въ этомъ едва-ли справедливо. Точно также поступаетъ о. Іосифъ въ отношеніи Флавія и при объясненіи имъ другихъ событій, обвиняя его, стоя на почвѣ христіанскаго сознанія.

Далѣе, о. Іосифъ, слѣдуя по пятамъ за Флавіемъ и указывая на отступленія его отъ Библии, не устанавливаетъ, при разсмотрѣніи нѣкоторыхъ событій и явленій изъ ветхозавѣтной исторіи, общаго смысла ихъ, особенно тамъ, гдѣ существуютъ разногласія даже между православными библеистами, одинаково основывающимися на библейскихъ данныхъ. Напр.—о смыслѣ Авраамова призванія, о пребываніи евреевъ въ Египтѣ, объ учрежденіи скиніи, о значеніи эпохи судей, о явленіи царской власти, и т. д. Такъ, указывая на ненаучный духъ Флавія въ объясненіи смысла призванія Авраама, причиною чего по Флавію былъ „конфликтъ астрологической вѣры Халдеевъ“ съ „реформаторскими идеями Авраама“ объ единомъ Богѣ, Создателѣ и Управителѣ всего, о. Іосифъ говоритъ: „Такъ извращается самый смыслъ Авраамова призванія“. Какой же? Дѣло въ томъ, что по традиціонному взгляду всеобщее идолопоклонство является *единственною* причиною призванія Авраама, одного пребывавшаго вѣрнымъ Богу. Но такой взглядъ одностороненъ и неправиленъ, такъ какъ, прежде всего, во время призванія Авраама упоминается въ Библии весьма много лицъ, чтившихъ истиннаго Бога и притомъ принадлежавшихъ разнымъ народностямъ и жившихъ въ различныхъ мѣстахъ; а затѣмъ подобный взглядъ противорѣчитъ истинному пониманію исторіи Божественнаго домостроительства о спасеніи всего міра и о приготовленіи его ко спасенію вѣрою въ Іисуса Христа. Это достаточно раскрыто въ сочиненіи бывшаго профессора Кіевской Академіи Щеголева „Призваніе Авраама и церковно-историческое значеніе этого событія“ (Кіевъ. 1875 г.) и въ сочиненіи проф. Московской Академіи С. Глаголева „Сверхъестественное Откровеніе и естественное богопознаніе внѣ истинной церкви“. Намъ казалось бы, что о. Іосифу слѣдовало бы освѣтить это знаменательное событіе, по его словамъ, составившее эпоху въ исторіи домостроительства и откровенія Бога человѣчеству (87 стр.). Такъ же голословно говоритъ о. Іосифъ и по поводу другихъ указанныхъ нами событій.

Возьмемъ также объясненіе Флавіемъ смысла устройства скинии. Извѣстно, что существуютъ различныя объясненія устройства скинии: космическое, идеально-космическое, талмудическое, типическое и др. Флавій, какъ полагають подъ вліяніемъ символизма Филона, придерживается космическаго объясненія, т. е. во внѣшнемъ устройствѣ скинии видитъ символъ міра. Этимъ Флавій, по его словамъ, надѣялся освободить евреевъ отъ упрековъ въ томъ, что они, по мнѣнію нѣкоторыхъ ненавистниковъ, нелѣпнымъ образомъ отдають почтеніе Богу,—устранить обвиненіе въ нечестіи. О. Іосифъ изложилъ это ученіе Флавія. Но намъ казалось бы, что въ виду критическаго характера труда его, нужно было показать нелѣпость подобнаго взгляда Флавія, составляющаго плодъ его фантазіи, произвольнаго, ненужнаго,—и дать положительное библейское объясненіе устройства и назначенія ея.

Подъ вліяніемъ отрицательнаго взгляда на Флавія, о. Іосифъ ставитъ ему въ вину то, что скорѣе нужно отнести къ заслугамъ его какъ историка. Такъ, говоря о томъ, что общій ходъ періода Судей передается Флавіемъ въ лучшемъ сравнительно порядкѣ и связности, чѣмъ отрывочный и разбросанный матеріалъ Библии въ предѣлахъ этого періода, о. Іосифъ называетъ эту законную попытку Флавія соблазномъ его какъ историка — все видѣть размѣщеннымъ на своемъ мѣстѣ, такъ чтобы получался одинъ цѣльный, связанный и послѣдовательный рассказъ. Спрашивается, въ чемъ же тутъ вина Флавія?

Или же: въ числѣ причинъ упадка общественнаго духа и нравственности въ періодъ Судей Флавій считаетъ: обогащеніе, расслабленіе, роскошь и сладострастіе Израиля, и—пожалуй—нѣчто въ родѣ „отвычки“ воевать послѣ поселенія ихъ въ землѣ ханаанской на основѣ измѣны Іеговѣ. Объясненіе совершенно правильное. О. Іосифъ считаетъ эти причины „шаблонными“.

Къ числу недостатковъ изслѣдованія о. Іосифа, по крайней мѣрѣ относительно древнѣйшаго періода исторіи іудейскаго народа, нужно отнести отсутствіе разсмотрѣнія культурнаго состоянія тѣхъ народовъ, среди которыхъ пришлось жить евреямъ того времени. Эти народы были: халдеи, хеттеи, ханаанскія племена и египтяне. Между тѣмъ въ на-

стоящее время въ виду народившихся наукъ—египтологіи, ассириологіи и сириологіи, библейскій историкъ не долженъ обходить результатовъ, добытыхъ ими, много разъясняющихъ исторію іудейскаго народа во времена Авраама, переселенія въ Египетъ, значенія Іосифа, исхода евреевъ изъ Египта, обстоятельствъ жизни Моисея и т. д.

Впрочемъ, указанные недостатки не умаляютъ значенія капитальнаго труда о. Іосифа. Онъ добросовѣстно изучилъ обширную иностранную, преимущественно нѣмецкую и французскую литературу о Флавіи. Это изученіе сказалось даже на языкѣ изслѣдованія, которое, будучи въ общемъ написано вполне литературнымъ языкомъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ отдаетъ тяжелымъ переводомъ и употребленіемъ такихъ выраженій, которыя рѣжутъ ухо. Напр.: „Исторіи своего народа Іосифъ не игнорировалъ... потому только, что не могъ романизовать индивидуальный специфізмъ своего іудейскаго происхожденія“ (18 стр.); „панегиризировать“ (27 стр.); „тенденцизировать“ (105.); „аккомодировать“ (46.); „терминировать“ (69); „миракулезныя событія“ (106). Сюда же нужно отнести нѣкоторыя неудачныя выраженія: „Авраамъ неугомоненъ“ (87), „Іаковъ—элегантный кавалеръ нашего времени“ (93); „Іаковъ... журитъ сновидца“ (94); „Моисей утекаетъ въ Мадіамъ“ (106), и т. п.

Въ заключеніе скажемъ, что съ большимъ удовольствіемъ привѣтствуемъ появленіе этого труда, за который о. Іосифъ несомнѣнно заслуживаетъ степени магистра богословія“.

б) Экстраординарнаго профессора Академіи по кафедрѣ Священнаго Писанія Ветхаго Завѣта Василія *Мышцына*:

„Въ ряду источниковъ библейской науки Археологія Іосифа Флавія занимаетъ самое почтенное послѣ библіи мѣсто. Для іудейскаго историка имѣть только библію и не имѣть Іосифа едва не одинаково худо, какъ имѣть Іосифа и не имѣть библіи. Однако не всѣми и не всегда одинаково цѣнился Іосифъ какъ историкъ. Рабское преклоненіе однихъ предъ нимъ смѣнялось яримъ отрицаніемъ всякихъ заслугъ Іосифа у другихъ, и лишь въ послѣднее время взгляды ученыхъ стали склоняться въ одну сторону. Чтобы предупредить повтореніе ошибокъ прошлаго и восполнить важный пробѣлъ въ отечественной литературѣ, авторъ и выпускаетъ въ свѣтъ свое изслѣдованіе. Авторъ сознается въ

допущенномъ имъ компромиссѣ. Какъ источникъ для библейской исторіи, Археологія І. Флавія имѣетъ значеніе лишь во второй своей части, т. е. тамъ, гдѣ кончается біблія. А между тѣмъ онъ съ возможною подробностью обслѣдуетъ и первую половину Археологіи. Сдѣлалъ онъ это въ надеждѣ, что и она можетъ дать цѣнный матеріалъ для характеристики Іосифа, какъ историка. Рѣшившись проанализировать и оцѣнить послѣдовательно весь „археологическій“ матеріалъ, „слѣдовать по пятамъ Іосифа“, авторъ все содержаніе своего труда включаетъ въ слѣдующіе 9 отдѣловъ, не считая Введенія: 1) Археологія и Пятокнижіе, 2) Археологія и историческія книги, 3) Археологія объ эпохѣ плѣненія, 4) Археологія о библейскомъ пробѣлѣ отъ Нееміи до Александра В., 5) Археологія объ эпохѣ Маккавеевъ, 6) отъ бібліи до евангелія, 7) Археологія и евангеліе, 8) Археологія о послѣевангельскихъ событіяхъ и 9) конецъ исторіи народа Божія.

Сдѣлавъ эти замѣчанія въ Предисловіи (стр. 1—4), авторъ во Введеніи (стр. 5—64) даетъ общія свѣдѣнія объ Іосифѣ и его литературной дѣятельности. Вообще нашъ авторъ невысокаго мнѣнія о нравственныхъ свойствахъ Іосифа и научныхъ достоинствахъ его историческихъ трудовъ. Іосифъ, по нему, страдалъ чрезмѣрнымъ самообольщеніемъ и тщеславіемъ, очевиднымъ малодушіемъ и низкимъ эгоизмомъ (стр. 16); а его историческіе труды — 1) тенденціозностью, 2) некритичностью и 3) непрагматичностью. Онъ дѣлаетъ по сравненію съ библейскимъ текстомъ тенденціозные пропуски и прибавленія, по временамъ извращаетъ библейскія сказанія и все это съ цѣлью выставить преимущество еврейскаго народа; къ внѣбиблейскимъ извѣстіямъ онъ относится безъ критики, съ крайнимъ легковѣріемъ, переполняя свою исторію позднѣйшими баснями и вымыслами. Онъ не умѣлъ разобраться въ фактахъ и группировать ихъ по законамъ историческаго повѣствованія не только въ послѣдовательности и естественности, но и въ строго логической (прагматической) связи и зависимости. Ближе разсматривая отношеніе Іосифа къ своимъ источникамъ, авторъ отмѣчаетъ тотъ фактъ, что Іосифъ, несомнѣнно зная еврейскій оригинальный языкъ и ведя свой разсказъ въ Археологіи въ болѣе или менѣе близкой параллели съ IXX, допускаетъ значительныя разности съ тѣмъ и дру-

гимъ текстомъ. Въ объясненіе его онъ допускаетъ два предположенія: или Іосифъ пользовался кодексомъ еврейскимъ отличнымъ отъ новѣйшаго, или онъ обращался съ крайнею небрежностью и неразборчивостью съ священными книгами. Авторъ нашъ болѣе склоняется ко второму объясненію. Другой источникъ для исторіи Іосифа—іудейское преданіе, устное и письменное, безъ всякой критики привлекаемое Іосифомъ, само по себѣ есть въ большинствѣ случаевъ плодъ благочестивой фантазіи и іудейско-казуистическихъ тенденцій и традицій. Пользованіе третьимъ источникомъ исторіи Іосифа—свѣтской литературой того времени, по мнѣнію автора, много теряетъ отъ послѣдственности, нерадивости, безразборчивости и произвола, съ какими Іосифъ обычно для себя утилизируетъ ее.

Въ самомъ изслѣдованіи авторъ даетъ анализъ всего содержанія Археологіи Іосифа, сопоставляя его въ пунктахъ соприкосновенія съ ветхозавѣтными свящ. книгами, съ Новымъ Завѣтомъ и съ другими древними литературными памятниками. Отмѣчая всѣ отступленія Іосифа отъ библіи или своеобразное пониманіе ея, авторъ обыкновенно объясняетъ и происхождение этихъ отступленій. Сопоставленіе Археологіи съ позднѣйшими іудейскими памятниками авторъ дѣлаетъ отчасти самостоятельно, отчасти съ помощью Bloch'a.

Главнымъ недостаткомъ изслѣдованія автора въ томъ видѣ, въ которомъ оно представлено было на степень кандидата богословія, былъ недостатокъ критицизма по отношенію къ той части Археологіи, въ которой она является дѣйствительнымъ источникомъ для библейской исторіи. Излагая исторію послѣбиблейской эпохи, авторъ ограничивался простой передачей содержанія Археологіи, весьма рѣдко ставя вопросъ о достовѣрности сообщаемыхъ Іосифомъ свѣдѣній объ этомъ періодѣ. Мы въ свое время отмѣтили этотъ недостатокъ въ изслѣдованіи автора, рекомендуя ему явиться во всеоружіи исторической критики и произнести свой компетентный приговоръ, что у Іосифа достовѣрно и что недостовѣрно, что изъ него слѣдуетъ внести въ библейскую исторію и что слѣдуетъ зачеркнуть.

Этотъ существенный недостатокъ исправленъ теперь авторомъ въ магистерской диссертации. Частію самостоятельно,

частью на основаніи позднѣйшихъ библейскихъ историковъ и критическихъ трудовъ онъ старается отмѣтить въ Археологіи достовѣрное и недостовѣрное, объясняя происхождение послѣдняго изъ личныхъ свойствъ Іосифа или изъ обстоятельствъ времени. вмѣстѣ съ этимъ трудъ автора получилъ характеръ исторической критики, какъ и слѣдовало. Если и теперь по временамъ авторъ увлекается изложеніемъ собственнаго пониманія лицъ и событій на основаніи повѣствованій Іосифа, оставляя въ тѣни самого Іосифа и предоставляя самому читателю отмѣчать неправильность въ освѣщеніи Флавія, то читатель всетаки не перестаетъ чувствовать довольно острый критическій взоръ автора, устремленный на Археологію Іосифа. Мы конечно не скажемъ, что съ появленіемъ изслѣдованія автора вопросъ объ Археологіи I. Флавія слѣдуетъ считать исчерпаннымъ. Этому вопросу суждено пережить вѣроятно еще много такихъ изслѣдованій. Но вина этого не въ изслѣдователѣ, а въ богатствѣ содержащагося въ Археологіи матеріала и недостаткѣ данныхъ для его провѣрки. Можно наконецъ указать и положительныя случаи не вполне критическаго отношенія автора къ историческимъ лицамъ, упоминаемымъ у Флавія, и даже къ самому Флавію, на что мы указывали автору еще ранѣе, но для молодого автора, съ увлеченіемъ несомнѣнно работавшаго, это простиительно.

Вообще сочиненіе автора мы считаемъ за прекрасный, серьезный и полезный трудъ. Главными его достоинствами, отмѣченными нами уже въ кандидатской диссертациі автора, служатъ: обстоятельное ознакомленіе съ литературой предмета, болѣе или менѣе безпристрастное отношеніе къ нему, постоянное обращеніе къ подлинникамъ и первоисточникамъ, глубокая и просвѣщенная убѣжденность въ вопросахъ вѣры рядомъ съ опредѣленнымъ и яснымъ міросозерцаніемъ и вчастности съ яснымъ и глубокимъ взглядомъ на ветхозавѣтную исторію человѣчества, несомнѣнная способность автора къ историческимъ описаніямъ и характеристикамъ и, наконецъ, увлекательное изложеніе.

Въ виду всѣхъ этихъ достоинствъ изслѣдованія о. Іосифа мы считаемъ его вполне заслуживающимъ степени магистра богословія“.

Справка: 60 экземпляровъ напечатанной диссертациі ис-

правляющимъ должность доцента іеромонахомъ Іосифомъ Преосвященному Ректору Академіи представлены.

Опредѣлили: 1) Допустить исправляющаго должность доцента Академіи по каедрѣ библейской исторіи іеромонаха Іосифа (Петровыхъ) къ защищенію его диссертациі на степень магистра богословія. — 2) Оффиціальными оппонентами при защитѣ диссертациі назначить Ректора Академіи Арсенія, Епископа Волоколамскаго, и экстраординарнаго профессора Василя Мышцына. — 3) Предоставить Преосвященному Ректору войти въ соглашеніе съ магистрантомъ относительно дня коллоквиума и пригласить къ участію въ немъ постороннихъ лицъ. — 4) Постановленія сіи представить на Архипастырское благоусмотрѣніе и утвержденіе Его Высокопреосвященства.

На семь журналѣвъ резолюція Его Высокопреосвященства: „1903 г. Іюня 1. Утверждается“.

2 іюня 1903 года.

Присутствовали, подъ предѣдательствомъ Ректора Академіи Арсенія, Епископа Волоколамскаго, Инспекторъ Академіи Архимандритъ Евдокимъ и члены Совѣта Академіи, кромѣ профессоровъ: В. Ключевскаго, А. Введенскаго, А. Спасскаго и И. Андреева.

Въ собраніи семь исправляющій должность доцента Московской Духовной Академіи по каедрѣ исторіи философіи, кандидатъ богословія, Павелъ *Тихомировъ* защищалъ представленную имъ на соисканіе степени магистра богословія диссертацию подъ заглавіемъ: „Пророкъ Малахія“, С.-Т.-С.-Л., 1903 года.

Оффиціальными оппонентами были: экстраординарный профессоръ по каедрѣ Священнаго Писанія Ветхаго Завѣта Василій Мышцынъ и исправляющій должность доцента Академіи по каедрѣ еврейскаго языка и библейской археологіи Евгенийъ Воронцовъ.

По окончаніи коллоквиума Ректоръ Академіи Епископъ Арсеній, собравъ голоса, объявилъ, что Совѣтъ единогласно призналъ защиту магистрантомъ его диссертацию удовлетворительною.

Справка: 1) По § 136 устава духовныхъ академіи: „Кан-

дидаты удостоиваются степени магистра богословія не иначе, какъ по напечатаніи сочиненія и удовлетворительномъ защищеніи его въ присутствіи Совѣта и приглашенныхъ Совѣтомъ стороннихъ лицъ (коллоквиумъ)“.—2) По § 81 лит. в п. 6 того же устава „удостоеніе степени магистра богословія“ значитъ въ числѣ дѣлъ Совѣта Академіи, представляемыхъ, чрезъ Епархіальнаго Преосвященнаго, на утвержденіе Святѣйшаго Синода.

Опредѣлили: 1) Просить ходатайства Его Высокопреосвященства предъ Святѣйшимъ Синодомъ объ утвержденіи исправляющаго должность доцента Академіи, кандидата богословія, Павла Тихомирова въ ученой степени магистра богословія.—2) Представить Его Высокопреосвященству одинъ экземпляръ, а въ Святѣйшій Синодъ—десять экземпляровъ диссертации кандидата Тихомирова и копии съ отзывомъ о ней экстраординарнаго профессора Василія Мышцына и и. д. доцента Академіи Евгенія Воронцова.

На семь журналѣ резолюція Его Высокопреосвященства: „1903 г. Іюня 11. Согласенъ ходатайствовать“.

3 іюня 1903 года.

Присутствовали, подъ предсѣдательствомъ Ректора Академіи Арсенія, Епископа Волоколамскаго, Инспекторъ Академіи Архимандритъ Евдокимъ и члены Совѣта Академіи, кромѣ профессоромъ: В. Ключевскаго, М. Муретова, А. Введенскаго и И. Андреева.

Въ собраніи семь исправляющій должность доцента Московской Духовной Академіи по кафедрѣ теоріи словесности и исторіи иностранныхъ литературъ, кандидатъ богословія, Николай *Городенскій* защищаль представленную имъ на соисканіе степени магистра богословія диссертацию подъ заглавіемъ: „Нравственное сознаніе человѣчества“, С.-Т.-С.-Л., 1903 г.

Официальными оппонентами были экстраординарные профессора Академіи: по кафедрѣ нравственнаго богословія—Михаиль Тарѣвъ и по кафедрѣ патристики—Иванъ Поповъ.

По окончаніи коллоквиума Ректоръ Академіи Епископъ Арсеній, собравъ голоса, объявилъ, что Совѣтъ единогласно

призналъ защиту магистрантомъ его диссертации удовлетворительною.

Справка: §§ 136 и 81 лит. в п. 6. устава духовныхъ академій.

Опредѣлили: 1) Просить ходатайства Его Высокопреосвященства предъ Святѣйшимъ Синодомъ объ утверженіи исправляющаго должность доцента Академіи, кандидата богословія, Николая Городенскаго въ ученой степени магистра богословія.—2) Представить Его Высокопреосвященству одинъ экземпляръ, а въ Святѣйшій Синодъ — десять экземпляровъ диссертации кандидата Городенскаго и копии съ отзывовъ о ней экстраординарныхъ профессоровъ Академіи Михаила Тарѣва и Ивана Попова.

На семь журналѣвъ резолюція Его Высокопреосвященства: „1903 г. Іюня 11. Согласенъ ходатайствовать“.

4 іюня 1903 года.

Присутствовали, подъ предсѣдательствомъ Ректора Академіи Арсенія, Епископа Волоколамскаго, Инспекторъ Академіи Архимандритъ Евдокимъ и члены Совѣта Академіи, кромѣ профессоровъ: В. Ключевскаго, А. Введенскаго, А. Спасскаго, В. Мышцына, И. Андреева и М. Тарѣва.

Слушали: I. Сданный Его Высокопреосвященствомъ съ надписью: „1903 г. Мая 10. Въ Совѣтъ Московской Духовной Академіи“—указъ на имя Его Высокопреосвященства изъ Святѣйшаго Синода отъ 7 мая за № 3869:

„По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: 1) представление Вашего Преосвященства, отъ 25 февраля сего года за № 131, по ходатайству Совѣта Московской духовной академіи объ утверженіи профессора богословія въ Императорскомъ Харьковскомъ Университетѣ протоіерея Тимоѣя *Буткевича* въ степени доктора богословія за представленное имъ на соисканіе сей степени сочиненіе подъ заглавіемъ: „Религія, ея сущность и происхождение (Обзоръ философскихъ гипотезъ)“. Книга 1. Харьковъ, 1902 г. и 2) отзывъ Преосвященнаго Митрополита С.-Петербургскаго, отъ 24 минувшаго апрѣля за № 3461, о семъ сочиненіи. Приказали: Профессора богословія въ Императорскомъ Харьковскомъ Уни-

верситетѣ, магистра богословія, протоіерея Тимоея Буткевича, удостоеннаго Совѣтомъ Московской духовной академіи степени доктора богословія за означенное сочиненіе, утвердить, согласно представленію Вашего Преосвященства и отзыву Преосвященнаго Митрополита С.-Петербургскаго, въ таковой степени; о чемъ, для зависящихъ распоряженій, послать Вашему Преосвященству указъ“.

Опредѣлили: Изготовить для профессора протоіерея Т. І. Буткевича докторскій дипломъ и выслать его по принадлежности.

II. Резолюціи Его Высокопреосвященства, послѣдовавшія на журналахъ собраній Совѣта Академіи:

а) 21 апрѣля 1903 года: „1903 г. Мая 1. По ст. XIV. Профессорскому стипендіату Пограницкому разрѣшается переработать его сочиненіе „Крестцовое духовенство“ на соисканіе степени магистра богословія. — По ст. XVI. Студенту Меньшихову разрѣшается представить третье семестровое сочиненіе и сдать устныя испытанія послѣ лѣтнихъ каникулъ.—Прочее утверждается“.

б) 27 мая 1903 года: „1903 г. Юня 1. Утверждается“.

Опредѣлили: Резолюціи Его Высокопреосвященства принять къ свѣдѣнію и исполненію.

III. Отношеніе Демидовскаго Юридическаго Лицея въ г. Ярославлѣ:

„Демидовскій Юридическій Лицей, съ Высочайшаго соизволенія, 30 августа сего года торжественнымъ актомъ празднуетъ столѣтнюю годовщину существованія въ гор. Ярославлѣ высшаго учебнаго заведенія, переименованнаго въ 1870 году въ Демидовскій Юридическій Лицей.

Извѣщая о семъ, Демидовскій Юридическій Лицей считаетъ пріятнымъ для себя долгомъ просить Московскую Духовную Академію принять участіе въ означенномъ празднованіи.

Если угодно будетъ почтить празднованіе назначеніемъ особой депутаціи, то Демидовскій Юридическій Лицей покорнѣйше проситъ не отказать извѣстить его объ этомъ заблаговременно“.

Опредѣлили: Депутатомъ отъ Академіи для присутствованія на юбилейномъ торжествѣ назначить ординарнаго профессора по кафедрѣ церковнаго права Николая *Заозерскаго*

поручивъ ему составить привѣтственный адресъ Лицею по случаю исполняющейся столѣтней годовщины существованія въ городѣ Ярославль высшаго учебнаго заведенія.

IV. Отношеніе Канцеляріи Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода отъ 8 мая за № 4209:

„По утвержденному Г. Синодальнымъ Оберъ-Прокуроромъ 1 мая 1902 года докладу Учебнаго Комитета при Святѣйшемъ Синодѣ кандидатъ Московской духовной академіи Іустинъ Гротъ, опредѣленный 14 ноября 1902 г. учителемъ греческаго языка въ Вольское духовное училище, уволенъ отъ службы за истеченіемъ четырехмѣсячнаго срока неявки къ мѣсту службы, со взысканіемъ съ него долга духовному вѣдомству за казенное содержаніе въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ.

Канцелярія Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода долгомъ поставляетъ сообщить о семъ Совѣту для свѣдѣнія и зависящаго распоряженія, въ дополненіе къ отношенію отъ 20 Ноября 1902 г. за № 9316“.

Опредѣлили: Принять къ свѣдѣнію.

V. Прошенія:

а) Преподавателя Виѳанской Духовной Семинаріи Алексѣя *Малинина*:

„Прилагая при семъ въ рукописи свое сочиненіе на тему: „Безсмертіе души. (Часть первая. Историко-критическій обзоръ философскихъ ученій о безсмертіи души)“ для полученія степени магистра богословія, покорѣйше прошу дать дѣлу дальнѣйшій ходъ“.

б) Помощника секретаря Совѣта и Правленія Московской Духовной Академіи Михаила *Бенеманскаго*:

„Представляя при семъ (въ рукописи) сочиненіе на тему: „*Ὁ πρῶτος ἐπίσκοπος* императора Василя Македонянина“,—честь имѣю почтительнѣйше просить Совѣтъ Академіи подвергнуть его разсмотрѣнію въ качествѣ магистерской диссертациі“.

Справка: 1) Преподаватель А. Малининъ и помощникъ секретаря Академіи М. Бенеманскій окончили курсъ въ Московской Духовной Академіи,—первый въ 1900-мъ, второй—въ 1901-мъ году,—со степенью кандидата богословія и правомъ при исканіи степени магистра не держать новыхъ устныхъ испытаній.—2) По § 81 лит. а п. 6 устава духовныхъ академій „распоряженіе о разсмотрѣніи диссертациі на уче-

ныя степени и оцѣнка оныхъ“ значится въ числѣ дѣлъ, окончательно рѣшаемыхъ самимъ Совѣтомъ Академіи.

Опредѣлили: Магистерскія диссертациі преподавателя Видавской Духовной Семинаріи Алексѣя Малинина и помощника секретаря Совѣта и Правленія Московской Духовной Академіи Михаила Бенеманскаго передать для разсмотрѣнія: перваго—экстраординарному профессору Академіи по кафедрѣ метафизики и логики Алексѣю *Введенскому*, втораго—ординарному профессору по кафедрѣ церковнаго права Николаю *Заозерскому*.

VI. Заявленіе Преосвященнаго Ректора Академіи о томъ, что вторыми рецензентами вышеозначенныхъ сочиненій онъ назначаетъ членовъ Совѣта Академіи—ординарнаго профессора Сергѣя *Глаголева* (сочиненія преподавателя Малинина) и экстраординарнаго профессора Ивана *Андреева* (сочиненія помощника секретаря Бенеманскаго).

Опредѣлили: Принять къ свѣдѣнію.

VII. Прошеніе исправляющаго должность доцента Академіи по кафедрѣ греческаго языка и его словесности Дмитрія *Коновалова*:

„Подготовляя къ печати изслѣдованіе по исторіи русскаго мистическаго сектантства, я считаю настоятельной для себя необходимостью ближайшее ознакомленіе съ нервными и душевными болѣзнями. Въ виду этого, покорнѣйше прошу Совѣтъ Академіи возбудить ходатайство предъ Совѣтомъ Императорскаго Московскаго Университета о бесплатномъ допущеніи меня въ 1903—1904 академическомъ году къ занятіямъ (въ дни свободные отъ чтенія лекцій въ Академіи) на медицинскомъ факультетѣ означеннаго Университета и о предоставленіи мнѣ права пользованія Университетскими бібліотеками“.

Опредѣлили: 1) Признавая просьбу и. д. доцента Академіи Дмитрія Коновалова заслуживающею уваженія въ томъ случаѣ, если исполненіе ея не будетъ сопровождаться ущербомъ для интересовъ учебнаго дѣла въ Академіи,—ходатайствовать предъ Совѣтомъ Императорскаго Московскаго Университета о бесплатномъ допущеніи г. Коновалова къ занятіямъ (въ дни свободные отъ чтенія лекцій въ Академіи) на медицинскомъ факультетѣ Университета, съ правомъ пользованія университетскими бібліотеками. 2) Постановле-

ніе сіе предварительно представить на Архипастырское благоусмотрѣніе и утверженіе Его Высокопреосвященства.

VIII. Отчеты профессорскихъ стипендіатовъ Академіи Николая *Пограницкаго-Сергіева* и Митрофана *Войцѣховича* объ ихъ занятіяхъ въ теченіи 1902—1903 учебнаго года.

Опредѣлили: Отчеты профессорскихъ стипендіатовъ Академіи Николая *Пограницкаго-Сергіева* и Митрофана *Войцѣховича* передать для разсмотрѣнія: перваго—исправляющему должность доцента Академіи *Сергѣю Смирнову*, второго—заслуженному ординарному профессору *Василію Ключевскому*.

IX. Прошеніе профессорскаго стипендіата Академіи Николая *Пограницкаго-Сергіева*:

„Представляя отчетъ о своихъ научныхъ занятіяхъ по русской церковной исторіи въ 190²/₃ учебномъ году, честь имѣю просить Совѣтъ Академіи ходатайствовать предъ Г. Оберъ-Прокуроромъ Святѣйшаго Синода о назначеніи меня на должность преподавателя въ какую-либо изъ центральныхъ, южныхъ или западныхъ семинарій по одному изъ слѣдующихъ предметовъ: церковной исторіи, гражданской исторіи, философіи“.

Справка: 1) По § 56 устава духовныхъ академій: „Если приготовлявшійся къ преподавательской должности въ Академіи по какимъ-либо обстоятельствамъ не займетъ оную, то установленнымъ порядкомъ назначается на соотвѣтствующую предмету его занятій преподавательскую должность въ одной изъ духовныхъ семинарій“.—2) По § 56 устава духовныхъ семинарій: „Преподаватели семинарій опредѣляются на должности, въ теченіе всего учебнаго года, Оберъ-Прокуроромъ Святѣйшаго Синода, по докладамъ Учебнаго Комитета“.

Опредѣлили: Просить ходатайства Его Высокопреосвященства предъ Г. Оберъ-Прокуроромъ Святѣйшаго Синода о назначеніи профессорскаго стипендіата Николая *Пограницкаго-Сергіева* на должность преподавателя въ одну изъ центральныхъ, южныхъ или западныхъ духовныхъ семинарій по указаннымъ въ его прошеніи предметамъ.

X. Представленіе редакціи академическаго журнала „Богословскій Вѣстникъ“:

„Редакція академическаго журнала „Богословскій Вѣстникъ“ честь имѣетъ представить при семъ Совѣту Академіи

отчетъ по изданію журнала и святоотеческихъ твореній за 1902 годъ“.

Справка: Правиль отчетности по изданію „Богословскаго Вѣстника“ п. 7-й: „Совѣтъ Академіи, по полученіи отчетовъ редакціи, избираетъ комиссію изъ трехъ лицъ для обревизованія прихода - расходныхъ книгъ редакціи и книжныхъ запасовъ, находящихся въ редакціонномъ книжномъ складѣ“.

Опредѣлили: Разсмотрѣніе отчета и обревизованіе прихода-расходныхъ книгъ редакціи „Богословскаго Вѣстника“ и книжныхъ запасовъ, находящихся въ редакціонномъ книжномъ складѣ, поручить комиссіи изъ заслуженнаго ординарнаго профессора Александра *Бѣляева*, ординарнаго профессора Митрофана *Муретова* и н. д. доцента Академіи Димитрія *Коновалова*.

XI. Донесеніе редакціи академическаго журнала „Богословскій Вѣстникъ“:

„Редакція „Богословскаго Вѣстника“ честь имѣетъ представить при семъ отчетъ объ израсходованіи двухъ тысячъ рублей, дарованныхъ Ею Высокопреосвященствомъ, Высокопреосвященнѣйшимъ Владиміромъ, Митрополитомъ Московскимъ и Коломенскимъ, на переизданіе твореній св. отцовъ въ 1902 году. Какъ усматривается изъ приложенной при семъ вѣдомости, въ отчетномъ году были переизданы VI и VII томы твореній св. Василія Великаго, его же бесѣды на Шестодневъ, I и II томы твореній св. Аѳанасія Великаго и вошедшее въ составъ перваго тома твореній св. Аѳанасія сочиненіе А. В. Горскаго „Жизнь св. Аѳанасія Великаго“—всего на сумму 3933 р. 48 коп.

На основаніи резолюціи Ею Высокопреосвященства отъ 25 октября 1899 года, редакція „Богословскаго Вѣстника“ покорнѣйше проситъ Совѣтъ Академіи ходатайствовать предъ Ею Высокопреосвященствомъ о дарованіи таковаго же пособія и въ настоящемъ 1903 году для окончанія предпринятаго ею новаго изданія твореній св. Аѳанасія Александрійскаго. Творенія св. Аѳанасія, переведенныя Академіей еще въ 1851—1854 г.г., для новаго изданія нуждаются въ предварительномъ сличеніи съ подлиннымъ текстомъ, исправленіяхъ и дополненіи вновь открытыми сочиненіями этого отца,—а все это требуетъ расходовъ, превышающихъ налич-

ныя средства редакціи, истощенныя усиленною издательскою дѣятельностью отчетнаго года“.

Опредѣлили: Почтительнѣйше ходатайствовать предъ Его Высокопреосвященствомъ о дарованіи на текущій 1903-й годъ, по примѣру прежнихъ лѣтъ, денежнаго пособия изъ суммъ Перервинскаго монастыря на издательское дѣло Академіи въ размѣрѣ, какой благоугодно будетъ назначить Его Высокопреосвященству.—2) Составленный редакціею отчетъ по изданію свято-отеческихъ твореній въ 1902 году представить при журналѣ настоящаго собранія Его Высокопреосвященству.

ХІІ. Донесеніе ординарнаго профессора Митрофана *Муретова* и исправляющаго должность доцента Сергѣя *Смирнова*, производившихъ ревизію академической библіотеки:

„По произведенной нами, согласно постановленію Совѣта Академіи отъ 4 іюня 1902 года, ревизіи оказалось:

а) *Состояніе библіотеки*: вся рукописная, книжная и прочая наличность библіотеки находится въ цѣлости и порядкѣ,—отсутствующее помѣчено на карточкахъ и въ заведенныхъ для того книгахъ за пользующимися лицами,—каталоги, записныя и справочныя книги имѣются въ исправности,—всѣ вообще, требующіеся библіотечною инструкціею, порядки блюдутся съ совершеннѣйшею точностью и аккуратностью“.

б) *Дѣятельность завѣдующихъ библіотекою*: кромѣ веденія всего сложнаго библіотечнаго дѣла, какъ-то: своевременной выдачи и записи книгъ, тщательнаго осмотра ихъ цѣлости и поставленія на свои мѣста—при возвращеніяхъ, сношеній съ русскими и заграничными фирмами по выпискѣ книгъ и разнообразной отчетности, что требовало усиленныхъ занятій и на дому,—съ прежнею неослабною энергіею продолжались работы надъ упорядоченіемъ еще неупорядоченнаго, улучшеніемъ упорядоченнаго, составленіемъ систематическаго и другихъ каталоговъ и описаніемъ еще неописанныхъ рукописей“.

Опредѣлили: Принять къ свѣдѣнію.

ХІІІ. а) Отношеніе на имя Преосвященнаго Ректора Академіи Г. Попечителя С.-Петербургскаго Учебнаго Округа отъ 17 апрѣля за № 5171:

„Въ предстоящемъ Маѣ мѣсяцѣ сего 1903 года учебнымъ

вѣдомствомъ предполагается устроить въ память 200-лѣтія основанія С.-Петербурга Петровскую учебную выставку, въ составъ которой войдутъ два отдѣла: историческій и современный. Въ историческій отдѣлъ должны войти, между прочимъ, книги учебнаго характера, относящіяся къ Петровскому времени, портреты дѣятелей просвѣщенія и проч.

Въ библіотекѣ Московской Духовной Академіи хранятся книги, помѣщеніе которыхъ на выставкѣ было бы интересно и поучительно для обозрѣвателей. Книги эти: 1) Греческая грамматика Лихудовъ на греч. языкѣ (№ 332); 2) Грамматика и пѣтука Лихудовъ на греческомъ языкѣ (№ 333); 3) Риторика Лихудовъ на греческомъ и часть на латинскомъ языкѣ 1712 г. (№ 329); 4) Логика Лихудовъ на греческомъ языкѣ (№ 300); 5) Физика Лихудовъ на латинскомъ яз. (№ 310); 6) Богословіе Теофилакта Лопатинскаго на латинскомъ яз. (№ 255); 7) Логика Теофилакта Лопатинскаго на латинскомъ языкѣ 1704 г. (№ 289); 8) Физика Стефана Прибыловича на латинскомъ яз. 1710 г. (№ 287).

Кромѣ того, было бы желательно помѣстить на выставкѣ хранящіяся въ Академіи портреты Теофилакта Лопатинскаго, архіеп. Тверскаго, и Гедеона Вишневецкаго, епископа Смоленскаго.

Признавая весьма полезнымъ и интереснымъ помѣщеніе означенныхъ книгъ и портретовъ на Петровской выставкѣ, имѣю честь покорнѣйше просить Ваше Преосвященство не отказать въ предоставленіи этихъ книгъ и портретовъ на время выставки (съ 14 по 19 мая).

Означенныя книги и портреты могли бы быть направлены на имя Комитета Петровской учебной выставки, С.-Петербургъ въ помѣщеніи Управленія С.-Петербургскаго учебнаго Округа, Загородный пр. № 49.

По закрытіи выставки книги и портреты будутъ съ признательностью возвращены обратно“.

Справка: По распоряженію Преосвященнаго Ректора Академіи требуемыя рукописи (портретовъ Теофилакта Лопатинскаго, архіепископа Тверскаго, и Гедеона Вишневецкаго, епископа Смоленскаго, въ Академіи не оказалось) препровождены были въ Комитетъ Петровской Учебной Выставки при отношеніи отъ 1 мая за № 381 и нынѣ, при отношеніи Г. Попечителя С.-Петербургскаго Учебнаго Округа за № 7894,

возвращены обратно въ фундаментальную академическую библиотеку въ надлежащей цѣлости и исправности.

б) Отношеніе Совѣта С.-Петербургской Духовной Академіи отъ 13 мая за № 929:

„Священникъ С.-Петербургской Обуховской больницы, кандидатъ богословія, Василій Яблонскій при переработкѣ своего кандидатскаго сочиненія въ магистерскую диссертацию, встрѣтивъ надобность въ принадлежащемъ библиотекѣ Московской Духовной Академіи сборникѣ Волоколамскаго монастыря за № 634, вошелъ въ Совѣтъ Академіи съ прошеніемъ о выпискѣ нужнаго ему сборника въ академическую библиотеку срокомъ на два мѣсяца.

Вслѣдствіе сего Совѣтъ С.-Петербургской Духовной Академіи имѣеть честь покорнѣйше просить Совѣтъ Московской Духовной Академіи сдѣлать распоряженіе о высылкѣ названнаго сборника въ Совѣтъ Академіи на двухмѣсячный срокъ“.

в) Отношеніе Совѣта Казанской Духовной Академіи отъ 29 апрѣля за № 468:

„Совѣтъ Казанской Духовной Академіи честь имѣеть обратиться къ Совѣту Московской Академіи съ покорнѣйшею просьбой выслать ему имѣющійся въ библиотекѣ сей Академіи журналъ: „Philosophische Monatshefte“ (№ 13530; 11, 296) томъ и годъ 22-й (Band XXII) срокомъ на 4 мѣсяца; означенный журналъ нуженъ студенту III курса Казанской Академіи Алексѣю Соколову въ качествѣ пособія для его курсоваго сочиненія; если вышеупомянутый журналъ за 22-й годъ не переплетенъ, то можно выслать только 4-ю и 5-ю книжки его за этотъ годъ“.

Справка: По распоряженію Преосвященнаго Ректора Академіи сборникъ Волоколамскаго монастыря за № 634 препровожденъ въ Совѣтъ С.-Петербургской Духовной Академіи при отношеніи отъ 19 мая за № 399, а 4-я и 5-я книжки журнала „Philosophische Monatshefte“ за 22-й годъ изданія въ Совѣтъ Казанской Духовной Академіи—при отношеніи отъ 7 мая за № 391.

г) Отношеніе Совѣта С.-Петербургской Духовной Академіи отъ 23 мая за № 983:

„Совѣтъ С.-Петербургской Духовной Академіи имѣеть честь увѣдомить Совѣтъ Московской Духовной Академіи

что препровожденныя при отношеніи отъ 3 сего мая за № 389 рукописи Софійской библ. №№ 1463 и 1208, и Кирил. 677—934, Совѣтомъ Академіи получены“.

Справка: Возвращенныя при отношеніи отъ 3 мая за № 389 рукописи высланы были Совѣтомъ С.-Петербургской Духовной Академіи для занятій студента IV курса Московской Академіи Николая Зеленина.

д) Отношеніе Совѣта С.-Петербургской Духовной Академіи отъ 29 апрѣля за № 720:

„Совѣтъ С.-Петербургской Духовной Академіи съ глубокою благодарностію имѣеть честь возвратить при семъ въ Совѣтъ Московской Духовной Академіи двѣ рукописи за №№ 208 (фундаментальной академической библіотеки) и 528 (Волоколамской библ.), присланныя при отношеніи отъ 29 января сего 1903 года за № 80 для занятій доцента Академіи Д. И. Абрамовича“.

е) Отношеніе Г. Управляющаго Московскою Синодальною Типографіею (на имя Преосвященнаго Ректора Академіи) отъ 28 апрѣля за № 8069:

„Съ глубокою благодарностію возвращая вмѣстѣ съ симъ особою посылкою одну изъ присланныхъ при отношеніи, отъ 14 января сего года № 11, рукописей Московской Духовной Академіи, именно за № 381, имѣю честь увѣдомить о семъ Ваше Преосвященство и присовокупить, что другая рукопись будетъ возвращена по минованіи въ ней надобности, что ожидается въ непродолжительномъ времени“.

Справка: Возвращенныя рукописи сданы въ фундаментальную библіотеку подъ росписку г. библіотекаря.

ж) Отношеніе Управленія Императорской Публичной Библіотеки отъ 31 мая за № 895:

„Съ Высочайшаго разрѣшенія, Императорская Публичная Библіотека имѣеть честь препроводить при семъ въ Московскую Духовную Академію, срокомъ на три мѣсяца, для научныхъ занятій ординарнаго профессора Академіи Г. А. Воскресенскаго, рукопись, содержащую Апостоль и хранящуюся въ Библіотекѣ подъ № 27, собранія Погодина съ тѣмъ, чтобы эта рукопись, во все время пользованія ею, хранилась въ Московской Духовной Академіи“.

з) Отношеніе Совѣта С.-Петербургской Духовной Академіи отъ 13 мая за № 932: